

Григорий
— **Карянов**

Поэтическая афера

Григорий Карянов
Поэтическая афера

«Издательские решения»

2015

Карянов Г.

Поэтическая афера / Г. Карянов — «Издательские решения»,
2015

Начало 20-ых годов XX столетия. Приехавший в Москву из Твери молодой, но бедный писатель Александр Филатов надеется опубликовать свой роман, единственный на тот момент. Случайная встреча у издательства с Николаем Зориным – таким же прозаиком, как и он сам – резко изменит жизнь героя, развернув вектор его движения едва ли не в строго противоположную сторону.

© Карянов Г., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Слова благодарности!	6
Часть I	7
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	27
Глава V	34
Глава VI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Поэтическая афера

Григорий Карянов

© Григорий Карянов, 2015

© Григорий Карянов, дизайн обложки, 2015

Редактор Дарья DashassFrost Студенова

Корректор Дарья DashassFrost Студенова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Слова благодарности!

Хочу выразить огромную благодарность своей супруге Марии Бартон, за ее терпение, и за то, что никогда не давала забывать об оставленной и недописанной рукописи. На протяжении всего периода написания романа, она была рядом и давала порой очень ценные советы.

Также, огромное спасибо моей подруге DashaSS Frost – моему главному и личному редактору и корректору, за подготовку рукописи, за замечания и исправления. Спасибо! Вместе мы сделали большую работу!

Отдельное спасибо мои родителям, которые верят в меня и любят. Маме, за ее любовь к хорошей литературе, которую она всегда советует, и отцу, который во всем поддерживает, в том числе и творческие начинания.

Без Вас этот роман не увидел бы свет! Спасибо за проявленный интерес к моему творчеству.

Часть I Знакомство

Глава I

Из дома на Марксовой улице, что еще недавно называлась улицей Коммуны, я вышел в полдень, на залитый солнцем двор. До Каланчевской площади было рукой подать, а до издательства и того ближе. Я шел спешно, держа под мышкой папку, перевязанную тесьмой, в которой находилась рукопись. Над ней я работал последние несколько месяцев. Строка за строкой, предложение за предложением рождались главы романа, который, как я считал, оправдает надежды редакционной коллегии в издательстве.

Еще издали я приметил кирпичный забор с коваными вставками, возле которого на скамье сидел мужчина, курил и вел беседу с юношей примерно моих лет. Я остановился чуть поодаль и тоже закурил, наблюдая за ними. На мужчине был белый костюм и шляпа, а на коленях лежал предмет, аккуратно завернутый в газету «Правда» и перетянутый жгутом на манер посылки. Юноша тоже закурил и отчего-то слишком громко объявил мужчине:

– Я не потерплю такого отношения. Вот сейчас докурю, – он показал на сигарету, – и поднимусь к ним. Все выскажу как есть. Ну, до чего же невозможно ходить и пороги обивать!

– А ты и сходи! – поддержал его мужчина. – Раз, говоришь, незаслуженно раскритиковали, так и скажи!

– А вот и пойду! Отзову свою рукопись. Все! Нет сил моих. Поеду в Петербург, у меня знаете, сколько знакомых в Петербурге издаются? Вот у того же Афонина издаваться буду, он меня и так звал и эдак, только мне Москву хотелось! Будь она... – заголосил студент.

– Ну, так иди, чего же Вы ждете-с? – не унимался мужчина, подначивая паренька.

В этот момент дверь издательского дома скрипнула, и из нее вышел полный мужчина, со стопкой бумаг. Парень отбросил сигарету и подскочил к нему.

– Эдуард Игнатьевич, отдайте мне мою рукопись! – потребовал юноша. – Я в Петербург еду, там издаваться буду. Не нужно повторного рассмотрения, верните мой роман.

– А Вы, собственно говоря, кто? – удивился мужчина и даже чуть попятился назад.

– Зорин я, Николай. Вы сегодня сказали, что мои рукописи никуда не годятся, так верните мне их.

– А-а-а, Зорин, ну да. Это знаете ли, Ваше поведение никуда не годится. Писатель, в первую очередь, должен быть терпеливым, а Вы, – и махнул на паренька рукой. – «Рассмотрите к печати, ну рассмотрите к печати» – начал передразнивать он. С утра до вечера в коридоре ждут, а как получают отказ, так: «Вы не правы, товарищ Прытко, уж извольте перечитать, ну хоть рецензию черканите». Им рецензию, а они и с ней не согласны «Куда я пойду с такой рецензией из издательства?» – спрашивают, – он достал носовой платок и на время прервал свой монолог. – А я почему знаю, молодой человек?

– Зачем Вы мне все это говорите? – удивился юноша.

– Да потому что Вы, студенты, все одинаковые. Вам говоришь «плохо» – вы тут же пытаетесь доказать обратное. Вы не идете работать над рукописью, читать заметки, что я оставляю на полях, исправлять ошибки. А Вы так вообще отдельный случай! Забирайте свою рукопись, как Вас?

– Зорин я, Николай Степанович, – ответил юноша и, достав из нагрудного кармана пачку папирос, закурил. Тем временем мужчина из издательства копался в стопке бумаг, пытаясь что-то найти.

– Вот, «Золотые колосья», Ваше? – спросил он, протягивая рукопись.

– Мое, – с досадой сказал парень и взял стопку бумаг.

– Всего доброго, молодой человек, – сказал мужчина и, поправив шляпу, удалился. Юноша посмотрел на бумаги и поплелся обратно к скамейке. На ней никого не было, мужчина в белом костюме тоже куда-то ушел, вместе со свертком, перемотанным газетами. Я выбросил окурок и подошел к юноше.

– Не взяли? – спросил я, и без того зная ответ.

– Нет, – вздохнул парень и откинулся на спинку скамейки.

– О чем пишешь? – спросил я, стараясь завести разговор. Он посмотрел на меня и промолчал. Я достал сигареты, предложил ему, он отказался и достал свои, а после, чиркнув спичкой, дал прикурить.

– Туда? – спросил он, кивнув на издательство.

– Ага, – согласился я и отчего-то вздохнул, как если бы я тоже получил отказ. – Бесплезно, как думаешь? – поинтересовался я.

– Проза? – спросил парень, взяв у меня папку.

– Да так, один рассказ, – отчего-то мне стало стыдно называть свою рукопись романом после увиденной сцены с редактором.

– О чем он? – спросил юноша и, отвлекшись от папки, посмотрел на меня. В тот момент я растерялся, как если бы у меня спросили: «На кой черт ты живешь?». Я не знал, что ответить, так как пересказ занял бы продолжительное количество времени, а в двух словах объяснить, о чем моя рукопись, было не просто. Я просто пожал плечами.

– Тогда не стоит пытаться. Это один из первых вопросов, что они спрашивают, даже не читая аннотации. Не ответил? Что ж, иди, горе-писатель.

– А твой роман о чем? – спросил я.

– О крестьянской жизни, отмене крепостного права. Я рассказываю историю своей семьи. Мой дед всю жизнь в поле работал. Умер недавно.

Я лишь покачал головой, а он встал со скамейки.

– Пошли до Каланчевской, на вокзале пиво попьем, – сказал парень и посмотрел на меня. – Пойдемте, а, Александр? – обратился он ко мне.

– Постой, постой! Откуда меня знаешь? – удивился я. Он постучал по моей папке, на которой было написано: «Александр Игнатьевич Филатов» и улыбнулся.

– Я тебя совсем не знаю. Ну так, идешь?

– Пошли, коль дело такое.

До пивной можно было добраться пешком или на трамвае, но мы выбрали пройтись. У самого входа в кафе он выбросил в урну свой роман. Я шел следом, поэтому незаметно достать его оттуда не составило труда. Пока он кого-то высматривал, я убрал его роман в свою папку, чтобы прочесть на досуге. В кафе было многолюдно, накурено и шумно. Мы взяли по два стакана пива и сели в углу, но не успели сделать и по глотку, как к нашему столу подошли два юноши, которых сразу же узнал мой новый знакомый. Он пригласил их сесть с нами.

– Знакомся, Саш, это Владимир Голубев, – указал он на одного из них, худого, болезненно бледного юношу в очках, очень тихого и невыразительного. У него были длинные тонкие пальцы, длинная шея, и своей субтильностью он напоминал мне птенца, разве что был достаточно высоким.

– А это, – указал он на второго юношу, более плотного, с открытым добродушным лицом и выразительным взглядом, – Ильин Павел Михайлович, но для друзей просто Ильич. Тот неодобрительно покачал головой, смотря на Колю, но ничего не ответил.

– Филатов Александр Игнатьевич, – поздоровался я. – Мы с Николаем познакомились сегодня, вместе были в издательстве.

– И как поживает товарищ Прытко? Что на этот раз сказал? – поинтересовался Павел.

– Дай угадаю: «В Вашем произведении, товарищ Зорин, нет отражения авторской концепции бытия. Нет закономерности исторического развития и течения жизни в целом. Что Вы хотели сказать этим произведением? Я вот здесь на полях оставил Вам пометки, Вы уж будьте так любезны, примите к сведению», – очень точно передал интонацию в голосе Владимир, и они вдвоем с Пашей рассмеялись.

– Нет, нет, не так все было, – сквозь смех проговорил Паша, – «Сюжет не передает четкой характеристики того времени, я бы даже сказал, обостряет восприимчивость при прочтении. В вас нет таланта!», – я обратил внимание на Зорина, он внимательно слушал, улыбался и пил пиво.

– Да, так и было, а затем он спросил, что это за название такое, «Золотые колосья»? Оно искажает нравственные изломы литературы, – сказал Зорин, подыграв друзьям.

– «Нравственные изломы литературы», помню, как же. Мне вот интересно, этот человек сам понимает то, о чем говорит? – серьезно спросил Павел.

– Боюсь, что нет. В общем, мы тебя поняли, отказ без причин и следственных связей, – сказал Владимир, и Коля пожал ему руку.

– Ты, кстати, сегодня к Чернову читать едешь? – спросил Владимир.

– Нет, без меня господа, в этот раз я воспользуюсь правом вето и пропущу сие мероприятие.

– Николай, Вы не можете так поступить! Тем более Екатерина Федоровна Земская будет, – подхватил Павел.

– Не Екатерина Федоровна, а Ка-тень-ка, – сказал Владимир и заулыбался. Коля же, наоборот, помрачнел и решил проигнорировать уговоры друзей.

Чтобы как-то разбавить разговор, я между делом спросил, кто этот самый Чернов, и узнал, что это отчисленный студент, учился на одном курсе с Зориным, известен тем, что устроил у себя в квартире клуб поэтов и писателей. Так как сам Чернов был поэтом, им он отдавал большее предпочтение, а прозаики, вроде Зорина, Ильича и Владимира Голубева приходили уже как старые знакомые и всегда имели возможность прочесть отрывки романов или короткие рассказы. Порой разговоры о литературе даже не начинались, и все заканчивалось коньяком и сигаретами где-нибудь на кухне, среди невымытой посуды и тусклого света лампы.

Ничего странного в том, что после отказа в редакции Коля не хотел идти к Чернову, не было. Но товарищи, видимо, с некой насмешкой относились к его отказу и были настойчивы. Спустя пару часов мы вышли на улицу, где было по-весеннему тепло, а воздух дышал первыми нотами вечерней прохлады. Мы все-таки поехали к Чернову, а точнее пошли, пошатываясь и громко обсуждая недавно упомянутого товарища Прытко. Мимо проходящие люди с недоверием смотрели на нас, а порой и вовсе сторонились, переходя на другую сторону улицы, хотя, может, мне это и показалось. Я не был любителем шумных компаний, возможно оттого, что вырос в порядочной семье педагогов, мать была учителем французского, а отец был преподавателем музыки. Да и потом, все знакомые остались в Твери. После семнадцатого года я решил уехать в Москву, но смог осуществить свой отъезд лишь двумя годами позже. В то время началась жесткая борьба с церковью, многие из которых, были разграблены или попросту разрушены. Я уехал в самом начале девятнадцатого года и из писем матери чувствовал, что уехал в самом начале чего-то страшного, о чем она лишь кратко упоминала, говоря, что мой отъезд был очень кстати и что лучше бы и не знать, что происходит на родной земле. Тогда же, перебравшись в Москву, я стал работать на первой государственной кондитерской фабрике, которая с этого года получила название «Красный октябрь». Уйдя с фабрики, я занялся переводами с французского языка. В основном моими услугами пользовались студенты, у которых почти всегда не было денег.

Дисциплина в семье, а затем и личная дисциплина, направленная на заработок, никогда не давала мне повода для шумного веселья. Сейчас же, познакомившись с Зориным и его

товарищами, я не был скован, и мне это нравилось. Мы шли аккуратно к моему дому, пока я не спросил, где же живет Чернов.

– На Немецкой, здесь недалеко, – сказал Ильич.

– А по мне так идти и идти, – возразил Зорин, но все равно продолжил путь. Говорить, что я здесь живу неподалеку, не было смысла, так как, приняв мои слова за приглашение, мне не чем было бы угощать гостей. Я кивнул, и мы пошли дальше.

Квартира у Чернова располагалась на третьем этаже. В подъезде наши шаги разносились эхом, мы шли молча, хотя еще на улице что-то бурно обсуждали. На лестничной клетке, у окна, курили два молодых человека. Владимир кивнул в их сторону.

– Тоже к Чернову. Видел их пару раз, – Коля кивнул в ответ.

Дверь в квартиру приоткрыта, мы вошли и не зная, снимать ли здесь пальто или нет, посмотрел на остальных. Те, в свою очередь, не церемонясь и как у себя дома начали снимать пальто и шляпы.

– Дверь за собой не закрывайте, пускай будет открыта, еще не все пришли, просто захлопните, – голос доносился откуда-то из глубины квартиры. Затем вышел и сам владелец голоса. Это был молодой человек лет двадцати пяти, гладко выбрит, хорошо одет. Прическа с пробором, бледная кожа и такие же бледные серые глаза. Именно таким я и представлял себе хозяина вечера, товарища Чернова, поэтому нисколько не удивился ему. Мне казалось, что мы уже были знакомы раньше, но вот только не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах могла произойти эта встреча. Он был классическим воплощением студента литературного университета или, может, одного из тех западных, о которых мне доводилось лишь слышать.

– Это вы? – удивился Чернов, увидев нас. – Прошу меня простить, я думал это Еремин и Покровский вернулись. Они, должно быть, еще курят на лестнице.

– Мы их встретили, они там, – сказал Владимир, указывая на дверь.

– Ну что ж, милости прошу, – Чернов мне показался человеком приятным, это было мое первое впечатление о нем.

– Рад тебя видеть. Благодарю Ильича и Голубева, что смогли меня притащить, я чуть было не ушел домой, – признался Коля, пожимая руку Чернову.

– Случилось что? – спросил тот.

– Я сегодня был у Прытко...

– Ну, тогда все ясно, проходи, расскажешь, – с пониманием проговорил Чернов.

– Позволь представить, это Филатов Александр Игнатьевич, – сказал Зорин и пропустил меня вперед.

– Всегда рад видеть, Чернов, – больше он не сказал ничего, ни имени, ни фамилии, что я сначала принял за невежество, которое новый знакомый мог принять за панибратство, обратиться я к нему по фамилии. Но, как оказалось, его это не смущало, он лишь крепко пожал мне руку и позвал всех в комнату. Квартира у Чернова была просторная, с высокими потолками, удобными диванами и креслами, большим столом и шкафом во всю стену, который ломился от множества книг.

– Поэзия, проза? – спросил Чернов, словно это был вопрос, чего желают гости, чая или кофе. Лишь по обращенным на меня взглядам, я понял, что вопрос обращен ко мне.

– Проза, – растерянно ответил я.

– От Зорина можно ожидать лишь прозаиков. Да-с. Но надежда на прекрасных и молодых поэтов, которые переступят порог нашего клуба, живет во мне всегда, – его слова я принял бы за театральные монологи, если бы он не говорил это с долей грусти, и на лицах моих новых знакомых не было столь явного сосредоточения. – Что ж, послушаем Вас сегодня, – и лишь после этих слов он улыбнулся, и все вокруг тоже выдохнуло. Напряжение пропало, Ильич с Голубевым начали делить кресло, а Коля с Черновым ушли на кухню за аперитивом, а я принялся разглядывать книги. Я также отметил для себя, что Чернов готов принять к себе

всех без исключения и ему на самом деле не важно, откуда ты узнал о его клубе и пишешь ли ты вообще. В гостях у него мог оказаться абсолютно посторонний человек с улицы, и он будет вежлив и внимателен к гостю, так же как и к остальным знакомым. Такая неформальная обстановка лишь располагала к общению, а ощущение, что ты в гостях, оборвалось уже на пороге и больше не возникало у меня никогда.

В комнату вошли Еремин и Покровский, они держались обособленно, беседовали о своем, спорили и не обращали никакого внимания на окружающих. Они были старше нас, старше Чернова в том числе, возможно, им было за тридцать. Между их фразами тянулись минуты, на лицах застыла задумчивость, говорили неспешно. Я вернулся к Владимиру и Ильичу, которые поделили кресла и, казалось, были довольны занятыми местами.

– Что они там так долго? – спросил Ильич, стараясь выглянуть в дверной проем.

– Ты разве не знаешь о постулате кухонного пространства? – спросил Владимир, задумчиво рассматривая бумаги, которые достал из внутреннего кармана своего пиджака.

– Мы это обсуждали в прошлый раз, оставим, – отмахнулся Ильич. – Что за каракули?

– Думаю, какой отрывок сегодня прочесть.

– «Капитан с причала Надежды»? – спросил Ильич, но тот не ответил, а может быть, даже и не услышал, уж больно вдумчиво читал.

Я вышел в коридор и пошел на кухню, это была первая дверь от входа по коридору; уже оказавшись напротив, я вдруг услышал, как скрипнула входная дверь, и повернулся. В квартиру вошла женщина в длинном пальто и шляпе «колокольнице», из-под которой выбивались кудри рыжих волос. Сама женщина была худая, одежда висела на ней, что было так характерно для нынешней моды: длинные платья с застежкой-молнией, или костюмы «труба», названные так за свою бесформенность. В них не подчеркивалась талия, хотя иногда женщины использовали узкие ремни, которые были так же небрежно и свободно повязаны. На шее у нее был длинный, легкий шарф. Она держала в руках веточку вербы и, посмотрев на меня, улыбнулась.

– Чернов! Встречай меня! – крикнула она и раскинула руки в стороны. Тут же с кухни донеслись быстрые шаги, и в коридоре оказались Чернов и Зорин.

– Катенька, дорогая, я уж было подумал, Вы не придете! Как же я рад Вас видеть! Позвольте Ваше пальто, – Чернов подскочил к женщине и помог ей снять пальто. Она оказалась в длинном кремовом платье с рядом черных пуговиц. Чернов, стоит отметить, был человеком высоким, и каково же было увидеть женщину примерно его роста рядом, может, чуть ниже. Сняв шляпу и положив ее на тумбу, она поправила выбившийся локон волос.

– Здравствуй, Екатерина Федоровна, – поздоровался Зорин и отвел взгляд.

– Николай, какая же я Екатерина Федоровна? Забудьте! – удивилась женщина. – Для Вас я просто Катенька! – я тут же вспомнил, как Ильич и Владимир с похожей интонацией называли ее «Катенькой». Теперь я понимал, к чему были эти разговоры. Ей было уже за тридцать, но столь счастливой и красивой женщины мне еще не доводилось видеть. Она действительно очаровывала всех вокруг. С ее приходом появилось ощущение праздника, легкого весеннего ветра. Казалось, по всей квартире пронесся вихрь ее духов из жасмина, а может, и сирени. Она подошла к Зорину и обняла его как очень близкого ей человека. Такие теплые и искренние объятия мы можем видеть на вокзалах, которые происходят между провожающими и убывающими в дальний путь людьми. Мысли о теплых встречах на вокзале не было, это значило бы спокойствие, возвращение. А эти объятия были похожи на трагедию и несли в себе тревогу и долю потери.

– Катенька, прошу любить и жаловать, Александр Филатов, прозаик, – Чернов как бы специально подчеркнул этот факт, делая акцент на последнем слове, но это было сказано больше шутя, чем всерьез.

– Катенька, – произнесла женщина и протянула мне свою белую руку для пожатия. Рас-тервшись, я взял ее руку и, наклонившись, поцеловал.

– Vous etes charmant,¹ – с улыбкой произнесла Катенька на чистом французском. Из ее уст это прозвучало так легко, как если бы она просто вздохнула.

– Ravi de vous rencontrer,² – произнес я, не выпуская ее руку. Она склонила голову, а вторую руку приложила к груди.

– Чернов, ты что-нибудь понял? – спросил Коля.

– Да, они очень рады познакомиться. Но почему на французском? – удивился Чернов.

– От восхищения я всегда говорю по-французски, – призналась Катенька и прошла на кухню вслед за Черновым.

Мы с Зориным вышли в подъезд и подошли к окну, где чуть раньше курили Еремин и Покровский. Зорин достал папиросы, и мы закурили.

– С Катенькой мы познакомились пару лет назад, здесь, у Чернова. Помню, как опаздывал, сразу с поезда поехал к нему. Захожу в квартиру и слышу, как из комнаты доносится женский голос. Она тогда читала «Дрогнет рука, поправляя шаль». Не раздеваясь, прошел в комнату, а там посередине комнаты стоит Катенька. Я дослушал до конца и был в восторге от того, как она читает. Женщины-поэты в наше время – большая редкость, а хорошие женщины-поэты – ещё большая редкость, – улыбнулся Коля. Больше он ничего мне не рассказывал, мы молча докурили и вернулись в квартиру.

На столе уже был готов аперитив, мы выпили. После пришли еще гости, принесли коньяк, вино. Завязались разговоры, часто вспоминали сборник «Сестра моя – жизнь», вышедший в этом году и ставший настоящим событием. Пили много, часто ходили на перекур в подъезд, затем возвращались, читали стихи и прозу, после прочтения шли долгие и бурные обсуждения, споры. Катенька общалась со всеми так же тепло и приветливо. Иногда она сидела в кресле и смотря в окно. Но, услышав чье-то чтение, она отвлекалась от своих дум, и все ее внимание было сконцентрировано на творчестве.

Владимир читал отрывок из своего романа «Капитан с причала Надежды», и я был в восторге от его умения так лаконично излагать свои мысли. Это было великолепное прочтение, а сам роман обещал стать очень сильной книгой. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что жду, когда же будет читать Катенька. Причем я видел этот момент именно таким, каким описал мне Зорин. Каждый раз после перекура я заходил в квартиру и прислушивался, не читает ли она. И стоило мне подумать об этом, как Чернов вошел в комнату, а за ним прошла Катенька.

– Господа, мне стоило больших усилий просить нашу гостью прочесть нам свои стихи. Я думаю, вы, как и я, останетесь равнодушными к этим произведениям. Он опустил в кресло. Все обратили свое внимание на женщину, стоящую посреди комнаты, которая гордо подняла голову и смотрела на нас, а затем, вздохнув, начала читать:

Рука не дрогнет все раздать, не дорожу,
Сгребаю в кучу украшения и камни,
На опустевший дом и запертые ставни
У запертых ворот, в последний раз гляжу.

Хочу, чтоб помнил, знал, я благодарна Вам,
Мне так легко досталась эта жизнь,
Что иногда, от счастья, мне голову кружит,
Пусть говорят: «Она больна...» Я все раздам.

¹ Вы, очаровательны (*франц.*)

² Приятно познакомиться (*франц.*)

И голос не звучит и вскоре смолкнет,
Под занавес иду, ускорив шаг,
Пусть где-то в глубине болит душа,
Не дорожу, я все раздам, рука не дрогнет.

Катенька поклонилась, а слушатели зааплодировали, некоторые присутствующие даже встали со своих мест, настолько прекрасным было это выступление. Я посмотрел на Зорина. Он смотрел словно сквозь нее, таким отрешенным я его не видел. Он изредка хлопал, словно из уважения, и казалось, что думал о чем-то своем.

На улицу мы вышли около двух часов ночи, стояли долго у подъезда, курили, обсуждали сегодняшний вечер, и, пообещав встретиться снова, каждый пошел своей дорогой. Я был очень пьян, иногда останавливался от усталости, в один момент заблудился и долго бродил дворами, пытаюсь найти знакомые места. Чудом вышел на Марсову улицу и уже не спеша дошел до дома.

Глава II

Проснулся я от шума дождя. Капли стучали по стеклу и попадали в открытую форточку. Сделав над собой усилие, я встал и закрыл окно. Голова болела, хотелось пить. Я оделся и сделал себе чай. Перебирая в памяти вчерашний день, я вспомнил Зорина, Владимира и Ильича, нашу встречу в пивной, а затем вечер у Чернова. Было ощущение, что все это был лишь сон, но больная голова говорила об обратном. Я нашел свои вещи раскиданными по всей квартире и папку, в которой был роман Зорина «Золотые колосья». Мне стало очень неловко, что я его заполучил таким образом, ведь мог просто спросить у Коли его прочесть. С остатками чая я вновь подошел к окну и подумал, что не имею и малейшего представления о том, как встретиться теперь с ними, как вдруг в сознании яркой вспышкой что-то промелькнуло, затронув сердце. Это неизвестно ранее чувство было приятным, но что же вдруг так сильно меня встревожило? Яркая вспышка красным еще раз пронеслась в моей памяти. Я замер, пытаюсь получше сконцентрироваться на ней, и словно сквозь полотно начал вырисовываться образ. «Катенька», – пронеслось у меня в голове, и вспышка предстала передо мной ее рыжими волосами, а затем она повернулась ко мне. Я всматривался в ее лицо в глубинах памяти, а потом начал думать о ее стихах и о нашем странном знакомстве. Зорин вчера был скрытным, и поначалу, приняв его предложение выйти на перекур, я посчитал это за вполне дружеское доверие с его стороны, но ничего, кроме как о своем знакомстве с Катенькой, которое произошло пару лет назад у Чернова, он мне так и не сказал. Настроение улучшилось, и ощущение от вчерашнего вечера стали еще светлее, несмотря на то что за окном стоял серый и дождливый день.

Допивая остатки чая, я прошел в комнату, где сел на свой рабочий стол. До встречи с Черновым меня вполне устраивал мой стол, здесь было достаточно места, в ящичке всегда были свечи и чернила, а свет падал как нельзя лучше. Теперь же, после посещения квартиры Чернова, с его отдельным рабочим кабинетом, печатной машинкой и небольшими коробками с чернилами, карандашами и бумагой, я почувствовал себя не столь уверенно, как еще вчера. Отогнав от себя эти мысли, я взял папку со своим романом и «Золотыми колосьями» Зорина. Да, пускай вчерашний день был интересным и я смог прекрасно отдохнуть в кругу единомышленников, но это все стоило мне встречи с секретарем издательства, о которой мы договаривались заранее. Я был на себя очень зол, так как неудача Николая не давала мне права сомневаться в своем романе, а ведь я даже устыдился его. Вчера Зорин сказал, что даже не стоит пытаться отдать рукопись, а ведь если бы я слушал каждого, кто мне говорил «не стоит пытаться», я сидел бы до сих пор в Твери и в лучшем случае давал частные уроки французского или подменял мать в школе по ее рекомендации. Я тотчас же вскочил, взяв пальто, шляпу и папку с романом, вышел из дома. Уже знакомой дорогой я добрался до издательства, но здесь меня ждало новое разочарование – двери были закрыты. Я посмотрел в окна на первом, а затем на втором этаже, и всюду было темно. Понимая, что, возможно, это был один из немногих шансов, что человеку дается в жизни и который я по своей легкомысленности упустил, мной овладело настоящее отчаяние. Денег у меня в то время почти не водилось, а той мелочи, что звенела в кармане, хватило бы разве что на стакан пива на Каланчевской площади. Я направился туда, подняв воротник и по сильнее завязав шарф вокруг шеи.

Здесь мало что изменилось со вчерашнего дня, разве что людей было гораздо меньше. Заняв тот же стол, что и вчера, я взял два стакана пива. В кармане нашлись сигареты. Достав одну, я покрутил ее пальцами, наблюдая за проходящими мимо людьми. Привокзальные пивные были чуть ли не единственным местом, где на тебя не смотрели косо, ведь, может быть, я жду своего поезда, и кто знает, куда он меня увезет. Окажись я в каком-нибудь кафе и задержись там дольше пары часов, могла открыться истинная никчемность человека, к тому же так

скверно одетого, как я. Все было просто – ему просто не куда идти, а здесь, ты мог быть кем угодно: убывающим, приезжающим, а может, даже встречающим кого-то из дальней поездки.

Я открыл папку, и первое, что мне бросилось в глаза – на титульном листе был обратный адрес Зорина. Жил он на Ольховской, в двадцать седьмом доме, что было не так далеко, и я подумал, что, допив пиво, смогу туда отправиться, правда, совершенно не имел представления, как я обозначу свой визит. Об этом я решил подумать по дороге.

Проходя мимо храма Великомученика Никиты, что был в конце моей улицы, я по привычке перекрестился, но затем увидел несколько прохожих, которые смотрели на меня с тревогой, и, поймав на себе мой взгляд, они тут же опустили головы и продолжили свой путь, что-то бормоча себе под нос. Я понимал, что перекреститься у церкви в то время, когда во всей стране идет их уничтожение и отказ от религии, выглядит действительно страшно, как плевок в сторону новой власти. То там, то здесь церковные земли переходили во владение ГПУ, а здания церквей использовались под дома беспризорников, которыми был наводнен город. Я посмотрел на храм, из него выходили прихожане, и мне стало немного легче. Добравшись до Ольховской улицы, я нашел дом Зорина. Это было небольшое двухэтажное здание с аккуратными окнами и подъездом со двора, а уже следом за ним располагалось высокое четырехэтажное здание. В подъезде пахло сыростью, со стен осыпалась штукатурка. Я поднялся на второй этаж и постучал в квартиру Коли. Через мгновение дверь открылась, на пороге стоял Зорин и удивленно на меня смотрел.

– Ты как здесь? – спросил он. – Ну, проходи-проходи, чего встал?

Пройдя в квартиру, я рассказал Коле о своем утреннем походе в издательство и о том, как нашел его адрес.

– Ну, ты, брат, даешь! Будто не знаешь, по каким дням они работают? А насчет моих «Колосьев» я не сержусь, прочти, может быть, понравится.

Квартира у Зорина была небольшая, жил он один, в комнате было мрачно, везде лежали горы какого-то хлама, тряпья, книг. Он сослался на то, что собирается в Петербург, и просил прощения за столь неубранную комнату.

– Знаешь, мне вчера в голову пришла одна мысль. Если составишь мне компанию, мы отправимся в ближайшую пивную, и я все тебе расскажу, – Зорин собирался и уже был готов выходить, поэтому пришлось согласиться. Мне было интересно узнать, во что он хотел меня посвятить.

Обойдя все места, где наливали, и ни найдя ничего подходящего по карману, мы вновь оказались на Каланчевской площади, где я был пару часов назад. По дороге мы обсуждали разве что погоду, о своем разговоре он предпочел умолчать до более подходящей обстановки. Народу в заведении поприбавилось, было накурено и душно. Зорин взял графин водки и блюдо с кусочками сала и колбасы. Выпив по рюмке, он закурил и придвинулся чуть ближе.

– Я вчера, когда слушал Екатерину Федоровну, настолько проникся ее стихами, что даже смог себя убедить, что поэзия есть венец творчества. Знаешь, Екатерина Федоровна – частый гость у Чернова, но вот только уговорить ее прочесть – это, знаешь ли, брат, дело непростое. Иногда, конечно, она и сама не прочь, но это бывает, увы, крайне редко. Я всегда с таким упованием вслушиваюсь в ее голос, что кажется, становлюсь одним из героев ее стихов. Соучастником ее счастья и трагедий. И только лишь когда она прекращает читать, я как будто просыпаюсь, – он говорил медленно, как бы мечтая и перебирая в памяти свои воспоминания. Пепел папирос он стряхивал на пол, смотрел куда-то вбок, но затем он смолк, налил еще по одной.

– За поэзию! – наши рюмки соприкоснулись, и под этот звон он добавил: – До дна.

Я потер ладони, закурил и продолжил слушать собеседника. Тот словно оживился, стал говорить быстрее, и, как мне показалось, он заметно нервничал.

– Так вот! Я вчера иду до дома и вспоминаю разговор, который услышал вчера от Покровского и этого... как его... – начал вспоминать фамилию.

– Еремина?

– Да! Именно! У них вчера был очень интересный диалог: Покровский сетовал на то, что раньше он горя не знал: приглашали прочесть – он читал, где интересные люди собирались – приходил, наблюдал за обстановкой, встречал знакомых, там, глядишь, тоже предлагали. Где-то, правда, заранее приходилось договариваться, иногда даже просить, чтобы выступить на вечере, но после издания его сборника его завалили письмами и просьбами прийти и прочесть стихи. И стало ему неудобно!

– Так у Покровского и сборник вышел? – удивился я. – А я и не слышал о нем ни разу.

– Так ты, наверное, не интересуешься поэзией, вот и не слышал. Ну допустим, кого ты знаешь, Блока? Есенина? Ахматову? А то, что почти нет в Москве такой улицы, где бы не жил поэт, тебя это раньше и не касалось.

– В этом ты прав. Я просто думаю о другом. Раз он поэт, причем имеющий сборник своих стихов, ему не должно быть неудобно. Наоборот!

– Ты дослушай сначала, Саша, – прервал меня Зорин. – Вот он и говорит этому... как его бишь?

– Еремину!

– Точно! Еремину говорит: «Кузница» – ну эти, Казин, Родов, Гладков – допустим, зовут меня 24-го, у них там чтения, про коллективизм, тут же, на 24-е, его зовут в «Стойло Пегаса», там, как известно, «Митинг искусств». На 27-е одновременно «Красный петух», «Домино» и чтения у Чернова! Ага! Ну как тебе?! – Зорин разлил остатки графина по стопкам, и мы выпили. В порыве своего рассказа он много курил и часто ладонью зачесывал волосы назад.

– Да, скажу тебе, ситуация! – вздохнул я понимающе.

– Ты представь, два вечера одновременно в Москве и Петербурге! А бывает и по три – два в Москве и один, к примеру, в Рязани!

– Так пускай заранее обговаривает дату, – постарался я найти выход из сложившейся ситуации.

– Темный ты человек, Филатов. Да разве если бы все было так просто. Ты же знаешь, как все это решается, а многое и вовсе в последний момент. Так что носится сейчас наш Покровский, пока мы здесь с тобой пьем, все ноги в мыле, с языком на плече и пеной у рта.

– А ты почему так радуешься этому? Ну, разные бывают случаи! Я вот вчера тоже должен был быть у секретаря в издательстве, а тут ты!

– А что я? – чуть ли не басом сказал от возмущения.

– Да ты не при чем, просто бывает так. Совпало, два мероприятия – и оба в один день, в одно время, – отмахнулся я. – А Еремин ему что говорит?

– А Еремин, ты представь, надувает щеки, подпирает голову, курит. Покровского таскает каждые пять минут и так задумчиво ему: «Да-а, дела, брат!» – тут мы с Зориным не выдержали, и если раньше только он смеялся, то здесь уже мы оба сошлись. – И главное, этот... ну... как его...

– Еремин?

– Да какой Еремин? Покровский! О! Покровский так от него помощи ждет, весь извелся, а этот щеки надувает, сидит!

Я плохо понимал, что интересного в этой истории, кроме того, что Покровский – как-никак фигура мной недооцененная и даже, возможно, значимая в Москве и других городах. Уж он-то, наверное, не пропускал встречу с секретарем в издательстве, когда речь шла о его рукописях и выпуске сборника.

– Ты чего так радуешься, Коля? – не выдержал я.

– Так это еще не все, это я тебе так, описал в двух словах, чтобы ты уловил мою мысль. Иду я вчера домой и вспоминаю их разговор, а сам думаю, было б тебя, Покровский, двое, ты бы и стихов вдвое больше писал, и везде успевал бы. А если трое, так точно бы везде успел,

и таких сборников, которые ты годами пишешь, ты писал бы за пару месяцев! Представь себе, один талантливый человек внезапно расслоился! Одного в Петербург послал, второго к имажинистам выступать, а сам к Чернову! – Зорин встал и удалился, но вскоре вернулся еще с одним графином.

– А что за праздник? Мне, право, даже неудобно становится за твой счет.

– Сочтемся как-нибудь. А вообще, я угощаю! Между прочим, вчера за пиво платил ты, – напомнил мне Николай.

– Ну так это ж было за знакомство! – немного стесняясь, сказал я.

– А это, – разливая по стопкам «огненную», сказал Зорин, – за наше, заметьте – «наше» – удачное предприятие.

– Весь внимание! – сказал я, чтобы Николай не отвлекался.

– Дело все в том, что вся эта картина вчерашнего вечера натолкнула меня на мысль о том, что можно неплохо заработать, если будет пара лишних рук, а вместо одной головы – две. Как ты смотришь на то, – тут он замолчал, оглянулся вокруг, не слушает ли нас кто, и продолжил, – чтобы работать вместе?

– Ты предлагаешь писать под одним псевдонимом?

– И не что-нибудь, а поэзию, стихи! Это решение во многом обусловлено моей неудачей как прозаика. Я раньше писал, и меня рецензировали, правда, я нигде не печатался. А рецензии были просто восхитительные, с таким воодушевлением никто никогда не говорил о моих рассказах.

– Постой, но я не пишу стихи, я вполне доволен тем, что мне досталась участь прозаика и я изо дня в день сажусь за свой стол и пишу новые главы романа. Меня это вполне устраивает. Да и потом, я не гонюсь за гонорарами, для меня важнее – найти своего читателя, донести мысль, поделиться своим миром, – весь вечер у меня было ощущение, что он это говорит не всерьез, но когда сделал предложение, я не знал, как отреагировать. Думаю, было бы честнее не оправдываться, а упрекнуть его, задеть побольнее, чтобы впредь не возникало подобных мыслей о такого рода афере.

– Ты все сказал? – холодно спросил Зорин.

– Да, – я развел руками.

– Сколько у тебя при себе денег? – этот вопрос он задал резко и в самую точку. Значит, готовился и знает мои слабые места.

– Это не имеет значения.

– А вот как раз имеет! Ты говорил, что приехал из Твери, чтобы чего-то добиться, стать писателем, и именно поэтому ты ушел с кондитерской фабрики.

– Да, но не для того, чтобы писать бездушные стихи, составлять из них сборники, а затем сидеть где-нибудь в ресторане и думать о том, как здорово мы всех обвели вокруг пальца.

– Я бы тоже не стал этого делать, если бы не нужда, которая заставляет меня сидеть здесь, смотреть на то, что происходит в этой стране, и делать вид, что меня это устраивает, – он говорил, стиснув зубы, мне на ухо, чтобы нас никто не слышал. – Я не понаслышке знаю о том, какой страшный голод творится за пределами крупных городов! Люди едят друг друга, урожая нет, хлеба нет! А теперь посягнули на святое – на церковь, из которой вывозят все убранство, чтобы залатать дыры в государственном бюджете и хоть как-то прокормить народ! – лицо Зорина стало красным, вены вздулись на висках. Он не был похож на того юношу, который просил редактора вернуть его рукопись. Сейчас он был похож на безумца, которому нужны сообщники для воплощения своих больших фантазий. Он был примерно моих лет, как я упоминал ранее, и в этом был его главный козырь, он знал, что меня волнует, и знал, на что нужно надавить, чтобы заполучить мое согласие. Не зря он затронул голод, зная, что я из Твери, где у меня остались отец и мать и где, возможно, уже этим вечером закончатся последние крохи

в доме. Я закурил, он сел на свое место, так, как сидел вначале, залпом выпил рюмку и взялся за голову.

– Что ты собираешься делать потом? – спросил я, не поворачиваясь.

– После я планирую уехать. Не знаю куда, мне не важно, все будет зависеть от того, чего мы сможем добиться и сколько появится денег в кармане. Сейчас я не могу позволить себе уехать даже в Петербург, где, как мне кажется, шансов напечатать свой роман будет больше. Ты пойми, остаться здесь – равносильно подписанию смертного приговора. Это гибель. Страна погибает, а мы одни из тех, кто смотрит на умирающего и ничем не может ему помочь.

– То есть ты все же надеешься после всего этого издать свой роман? – спросил я, не обращая внимания на его слова, которые открывали правду, ту, что каждый из нас прятал в глубине души.

– Да, пусть таким путем, но я издам свои «Колосья», – он смотрел на меня и явно ждал ответа.

Я не знал, получится ли у нас провернуть это. Одно дело, когда Покровский с душой пишет свои стихи, годами читает слушателям, и за труды получает признание в качестве сборника стихов, благодаря которому становится более востребованным среди читателей, и другое дело мы с Зориным. Два человека, всю жизнь пишущих прозу, и от нехватки денег начнем выдавать стихи в надежде на читателей, на слушателей. Выбора у меня не было. Тогда я мог развернуться и уйти, отдав ему его роман и пожелав успехов в этом деле, возможно, с Ильичом или Голубевым вряд ли они бы отказались от подобной авантюры. Но он предложил это мне, видя, как что-то меня гложет так же сильно, как и его.

– Уговорил, попробуем стать поэтами, – я улыбнулся.

– Думаю, у нас с тобой это получится, – сказал Зорин и потрепал меня по голове.

Мы распили с ним еще один графин водки. Напряжение плавно отступило, и мы свели разговоры о теперь уже точно «нашем» предприятию на более мирные темы.

– Что бы ты сказал о Чернове? – спросил Зорин.

– Он мне нравится, только вот не знаю, каков он как поэт. Жаль, не прочел ничего из своего.

– Да, им сейчас целиком овладел Пастернак, Чернов давно меня приглашал послушать. Да и потом, он уговаривал прочесть Екатерину Федоровну свои стихи, зная, что это станет прекрасным заключением вечера.

– Катенька была прекрасна. Сколько ей лет? – не знаю, почему я это спросил, просто вырвалось.

– Екатерине Федоровне тридцать девять лет, в следующем месяце будет сорок, – сказал Зорин и замолчал.

– Я бы ни за что не поверил, если бы ты мне не сказал. Она выглядит гораздо моложе. А как она читает... Здесь я соглашусь и с тобой, и с Черновым, – видимо, Коля пропустил мною сказанное или же сделал вид, что не слышал.

– Завтра приходи ко мне, будем писать стихи, договорились?

– Хорошо, я зайду, примерно в полдень, – согласился я. Зорин встал и, извиняясь, если что-то было не так, попрощался со мной, оставив меня с половиной графина и тремя папиросами. Напоследок он предупредил, что завтра редакция тоже не работает, и будет лучше, если бы я смог прийти пораньше.

На том и разошлись. Я допил остатки графина, отчего-то улыбаясь, встал из-за стола и направился к выходу, держа папку с романами под мышкой. Я еще надеялся почитать перед сном, и, придя домой, я первым делом облил себя с головы до ног холодной водой, заварил чай и, заняв свое рабочее место, принялся читать «Золотые Колосья» Николая Зорина.

Глава III

Я проснулся за своим столом, лицом на Колиных рукописях. Шея и рука затекли, спина ныла от неудобного положения. На столе была открыта вторая страница романа.

– Не намного же меня хватило, – вслух сказал я и удивился своему грубому голосу, который вслед за мной еще не проснулся. Наспех собравшись, я взглянул на часы, стрелки которых показывали половину двенадцатого. Еды в доме не было, в кармане нашлась последняя папироса, которую было решено выкурить по дороге. Голова страшно болела, меня бил озноб. Подвести Зорина и не прийти к нему я не мог. Весь вчерашний разговор сегодня мне казался столь абсурдным, что в глубине души я надеялся, что, придя к Николаю, он скажет, что это была лишь дружеская шутка. Затем я вспомнил его выражение лица и усомнился. Всю дорогу я думал о том, как себя чувствует Зорин, и, может быть, он сам с радостью откажется от этой авантюры, сославшись на плохое самочувствие? Еще в подъезде меня встретил почтальон, который передал мне письмо, оно было из родного города, от матери. Я переживал за них и хотел его прочесть, прямо там же, на лестничной площадке, лишь бы знать, о чем пишут, все ли у них хорошо. Вспомнив о письме, я прибавил шаг. Сейчас будет поворот, затем пара-другая домов. Поворот в переулок, затем через двор, а там направо – и рукой подать уже по прямой, прямо к дому Зорина. Я не знал, ждет он меня или нет. Я стоял у его двери, не решаясь потревожить, возможно, спящего Зорина, но, хорошенько подумав, я трижды постучал. Коля открыл мгновенно, он впустил меня, было видно, что он уже давно на ногах, и всем своим видом показывал, что ждал только меня.

– Может, выпьем чаю? Хотя можно это сделать и в обед, я только что поел, надеюсь, ты тоже? – я убедил его в том, что чай действительно подождет и лучше приступить к работе сейчас. – Ты проходи, садись вот сюда, – Коля указал на стул перед небольшим столом, на котором уже были разложены чернила, перья и листы бумаги.

– Что-нибудь конкретное будем писать? Направление выберем или так? – спросил я.

– Для начала попробуем все что угодно, в любом жанре, в любой манере и на любую тему. Нужно понять, что мы можем, как строится наше видение поэзии, как выходит рифма. Сейчас окажется еще, что поэзия не наш случай, тогда мы с тобой будем вынуждены брать уроки у Чернова.

– Даже неудобно обращаться к Чернову с подобной просьбой, – задумался я, представляя себе эту картину.

– Чернов – свой человек, и если мы попросим у него объяснить все азы стихосложения, он будет только рад. Стоит только затронуть эту тему, завести его. Сам он навязывать любовь к поэзии не станет, но коль человек, стоящий перед ним, интересуется этим – он с радостью поможет.

– Значит, я в нем не ошибался, – сказал я и мысленно еще раз утвердил свое предположение относительно Чернова.

Мы писали молча, Зорин пару раз уходил на кухню, делал чай. Он разрешил курить в комнате, но так как последняя папироса была докурена на улице, я молча кивнул, сделав очень сосредоточенный вид. Самое сложное для меня было начать, придумать идею, хотя бы первую строчку, от которой я мог бы оттолкнуться и погрузиться в размышления. Писать стихи – оказалось сложнее, так как при написании прозы, если есть идея, сюжет выстраивается по ходу написания. Герои романа или рассказа оживают, живут своей жизнью, а ты лишь успевай за ними записывать. Если сюжет основан на реальных событиях, он непременно строится на воспоминаниях и фактах. Здесь же я чувствовал свою беспомощность. Искося поглядывая на Зорина, я следил за тем, как он вальяжно раскинулся на стуле, выставил одну ногу вперед, рукой подпер голову и временами что-то писал на своем листе. Человек за работой порой ста-

новился именно таким, каков он есть на самом деле, без масок. За работой человек не заботится о том, чтобы пускать ложную пыль в глаза, производить на других хорошее впечатление, он просто работает, и в этот момент лучше всего познать его личность. Например, как он ведет себя за работой, сдержан или наоборот вспльчив, вальяжен, как Зорин, или кроток и не уверен, как я. Эти тонкости человеческой природы так отчетливо прослеживались, что становилось немного стыдно смотреть на человека за работой, словно, изучая его, ты пытаешься раскрыть его истинную сущность. В этот момент меня словно подтолкнуло, и на листке, где уже было зачеркнуто несколько фраз, я написал первую строку:

«Задумчив и загадочен писатель»

Эта строка помогла мне определиться с темой стихотворения. Вот оно, то, что я так искал, муза, или просто вдохновение, которое находится вокруг, стоит только посмотреть на него под нужным углом – и строки сами рождаются в голове. Отталкиваясь от первой строки, я начал писать далее, поглядывая на Зорина, который являлся для меня натурой, будь я художником, пишушим картину.

В один из таких моментов Зорин посмотрел на меня и, поймав на себе мой взгляд, заинтересовался, все ли в порядке. Я улыбнулся, сказал, что работаю, и нет причин для переживаний. Мой ответ его удовлетворил, он вернулся к работе.

Иногда Коля вставал, прохаживался по комнате, беззвучно шепча что-то себе под нос. Мне было бы неудобно так сделать, хотя, может быть, и помогло бы в трудных местах моего стихотворения, но я был в гостях. Примерно после пары часов работы, за чашкой чая, Зорин, перечитав свое стихотворение, предложил его послушать. Он сидел в той же самой позе, в которой и писал все это время, не стесняясь, прочистил горло и громко, с силой в голосе прочел:

Сжаты в кулак страницы,
Книг распостерлись тела,
Строк изъеденные вереницы,
В печи догорают дотла.

Жадным взглядом вгрызаясь,
В корешки потрепанных книг,
Ни минуты не сомневаюсь,
Писатель – я твой ученик.

Нас призывают сражаться,
За страну, до крови на губах,
И в спину кричат: не сдаваться!
А затем побеждают в гробах.

На сотни книг я выше тех,
Что порохом дышали честно,
Не покидал военный цех,
Не отступал в окоп поспешно!

Читать теперь мне не дано,
И книги догорают ярко,
Слепому в мире тяжело,
Он вместо мира – видит пятна.

Я поджал губы и закивал. Подобные стихи мне еще не приходилось слышать. Мне действительно понравилось, но разве я был вправе оценивать человека, если сам не разбираюсь в стихах? На слух прочтение было хорошо сложенным, я даже позавидовал в какой-то мере Зорину, что он вот так смог прочесть.

– Что скажешь? – спросил меня Коля, а во мне до сих пор шел диалог, хорошо ли было прочитано или не очень. Можно ли назвать это стихотворение сильным или все-таки оно вовсе не подходит под описание стихотворения.

– Мне понравилось, и я даже не знаю, что еще сказать, для меня это настоящее открытие, что ты смог так написать. Боюсь, моя работа будет выглядеть серой после твоего прочтения.

– Не сомневайся в себе, Филатов, все в наших руках. Если сейчас понравилось тебе, то в зале, где будет хотя бы десяток зрителей, найдутся твои единомышленники, которые по достоинству оценят стихи, – сказал Зорин, допил чай и со звоном поставил на блюдце. Звучало убедительно. Но в настроении Николая прослеживалось отчаяние, которое было вымещено на эту самую чашку, и я решил спросить в глаза.

– Что ты сам можешь сказать о своем произведении? – спросил у него я. Желания обидеть у меня не было, мне действительно хотелось узнать его точку зрения, знать, как он себя оценивает, понять, что для него означает им же написанное стихотворение.

– Мне нравится, – тут Зорин встал и начал расхаживать, – мне нравится вся эта затея. А вот мое стихотворение могло быть сильнее. Меня смущает последнее четверостишие, вот, послушай, – Коля взял свой листок, пробежался взглядом от начала до конца и еще раз прочел мне окончание своего произведения.

– Этот герой вызывает у тебя какие-то чувства, может быть, сопереживание, сострадание? Где-то в середине он даже гордится тем, что смог за жизнь прочитать столь много книг, а в конце сжигает их, не имея возможности их перечитать или узнать что-то новое для себя.

– Он не вызывает у меня жалости, – сказал я, но Коля меня перебил.

– Но он ослеп! Немецкая армия применяла химическое оружие на полях сражений, – Коля явно пытался меня убедить.

– Я не испытываю жалости. Этот солдат скорее вызывает у меня чувство уважения, – я замолчал. Коля улыбнулся и кивнул мне в знак того, что именно это он и ожидал услышать.

– А что получилось у тебя? – оживился Зорин.

– Знаешь, первые полчаса я не мог понять, как пишутся стихи, да и потом у меня в голове не было ни единой мысли, о чем можно было бы написать. Но вот что у меня в итоге получилось:

Задумчив и загадочен писатель,
Вокруг него сонм образов и дум,
Его покой – рабочая обитель,
И светел и прекрасен ум.
И допоздна, закрывшись в кабинете,
Работает не покладая рук,
Он пишет обо всем на свете,
Я это знаю – он мой друг.

Коля неожиданно для меня зааплодировал и заулыбался.

– Bravo, Александр! Это именно то, что я ожидал от тебя услышать. В твоём стихотворении очень лаконично изображены все пристрастия писателя, здесь и покой, и мысль, и светлый ум, – Коля расхаживал по комнате, жестикулировал и расхваливал мое стихотворение. Я не был уверен, сможем ли мы осилить сборник, так как на эти восемь строк у меня ушло два

часа нашего времени. С другой стороны, я никогда не думал, что смогу начать писать стихи, и восторг Зорина мне льстил, и создавалось впечатление, что у меня действительно неплохо получается.

– Нам нужно показать их Чернову, определенно, – Зорин начал рыться на столе, который располагался позади него и был полностью завален различными бумагами и папками. Он то и дело что-нибудь ронял, мял какие-то бумаги и, уже скомканные, бросал их на пол. – Нашел! – внезапно заликовал он, на листочке были написаны даты. Это было расписание вечеров у Чернова, как мне позднее пояснил Коля. Ближайшая встреча должна была состояться этим вечером, и, еще сильнее воодушевившись, Зорин начал собираться.

– Сначала зайдем к Голубеву, он хотел отдать мне ненужный чемодан, который в моем случае будет очень кстати. Теперь я уверен, что поездка в Петербург не заставит себя долго ждать. Который час?

– Без четверти три, – сказал я, взглянув на часы.

– Отлично, как раз успеем. Захватим чемодан и Голубева, затем в районе Немецкой встретимся с Ильичом и Екатериной Федоровной, если она, конечно, придет.

– Постой, а как же стихи?

– Да, нужно будет не забыть взять стихи, ты прав, – сказав это, Коля схватил наши стихи и свернув, убрал во внутренний карман пиджака.

– Я думал, мы напишем что-нибудь еще. Просидим с тобой до вечера за работой. Я не планировал снова появляться у Чернова так скоро.

– Ну, это ты, брат, зря. Вот смотри, – Коля указал на расписание, – сегодня у нас третье, а следующая встреча у Чернова будет лишь десятого. Нам определенно нужно его мнение, иначе до десятого напишем такого, что потом и показывать кому будет стыдно, не то что выступать. Пошли.

Ничего не осталось, как надеть пальто и шляпу и отправиться к Голубеву.

– Ты прочел «Колосья»? – спросил меня Николай, стоило нам выйти из его дома.

– Не успел еще, вчера осилил лишь пару страниц. Я думал, что уж сегодня я посвящу себя его прочтению, как только вернусь от тебя.

– Это не к спеху, так спросил, чтобы разговор поддержать, – конечно же, Зорин лукавил, говоря мне, что его совершенно не интересует мое мнение и что это не к спеху. Он с удовольствием был готов обсудить свой роман, выслушать по его поводу мое пусть не авторитетное, но все же мнение. По дороге мы курили его папиросы, Зорин рассказывал о Чернове, об их знакомстве, что Голубева и Ильича привел к нему тоже он. А я шел и думал: куда я иду? Зачем? Я до сих пор не прочел письмо, что мне прислала мать, и, вспомнив о нем, хотелось пожелать Николаю удачи в сегодняшнем вечере и отправиться вверх по улице прямо к дому, так как идти было всего ничего. Но, не найдя подходящих слов, я продолжал путь рядом с моим новым товарищем и задавал себе новые и новые вопросы. Я понимал, что у моих новых знакомых очень своеобразная манера жить. Она мне нравилась, но это ставило под надлом мои убеждения, от которых я ни разу не отступал с тех пор как оказался в Москве. Оправдывал я себя лишь тем, что мой роман дописан, точка поставлена, а за новый садиться еще слишком рано. Иначе бы я каждый день сидел у себя и по несколько часов в день писал. Но опять же, не имея работы, я мог бы найти пару другую учеников или обратиться в газету, спросить, нет ли чего на предмет переводов с французского или на французский язык. И лишь сейчас я понял, что еще вчера вместо распития водки на вокзале мог отправиться на поиски издательств, которых по городу было в достатке. Я же ничего этого не делал. Мы шли с Зориным, моя обувь промокла, на улице уже второй день шел дождь. Голубев принял нас очень тепло, пригласил войти. Коля старался быть вежливым, отказывался, как мог, ссылаясь на встречу с Ильичом и Екатериной Федоровной, но в какой-то момент за спиной Владимира возникла женщина. Это была хрупкая старушка с пучком на голове и в фартуке. Она улыбнулась нам и поприветствовала.

– Вы проходите, правильно Владимир говорит, проходите. Я сейчас накрою на стол, будете нашими гостями, – сказала она и продолжила стоять. – Вы, наверное, Николай Зорин? Старушка указала на Колю, чем смутила не только его, но и Голубева.

– Да, бабушка, это Николай Зорин, – сказал Владимир и постарался отправить ее на кухню, но ее привлекла моя фигура.

– А этого человека я не знаю. Про Зорина мне Владимир часто рассказывает, я именно так себе Вас и представляла. Вы очень красивый, такой опрятный, а как у Вас святятся глаза, – набросилась на меня женщина.

– Александр Филатов, можете звать Сашей, – сказал я.

– Голубева Софья Андреевна, – сказала женщина. – Я бабушка Владимира, – и снова улыбнулась. По ней было видно, что женщина она очень добрая, но одинокая. Кроме внука у нее никого не осталось. Видимо, поэтому и спрашивает Владимира о его товарищах, о том, с кем он общается, где бывает.

– А вы тоже писатель? – стесняясь, спросила Софья Андреевна.

– Да, как раз сейчас дописал свой роман, теперь пытаюсь сдать его в редакцию, – Владимир мне показывал знаками, что я могу особенно не вдаваться в подробности.

– Замечательно, ну тогда прошу, гостями будете, – и удалилась.

Зорин стоял и пристально смотрел на Голубева.

– И откуда, позвольте узнать, товарищ Голубев, эта милая женщина так осведомлена о моей скромной персоне? – спросил он.

– Да как-то к слову пришлось, вот и рассказал, что ты зайти должен. Вы не обращайте внимания, она очень добрая, мне бы не хотелось, чтобы мы сейчас ушли вот так, – уговаривал нас остаться Владимир.

– Дорогой друг, я с уважением отношусь к Вам и Вашей бабушке, Софье Андреевне, но мне нужен обещанный чемодан, и потом, нас ждут Ильич с Екатериной Федоровной. Если Вы не забыли, сегодня мы идем к Чернову, – очень театрально сказал Зорин, что позволило нам всем посмеяться.

– Как Чернов? Я думал, теперь у него вечер будет лишь десятого? – удивился Голубев. Явно, он тоже не собирался сегодня покинуть свой дом и на всех парах мчаться под проливным дождем к Чернову.

– Вы можете остаться, но это слишком оскорбит товарища Чернова. Он рассчитывает на нас в полном составе, – и Зорин обвел нас взглядом.

– Тогда проходите скорее, сейчас поедим – и к Чернову. А вы сами откуда? – спросил Голубев, принимая у меня пальто и шляпу.

– Хорошо, в таком случае едим быстро, разговоры сводим к минимуму, – поставил свои условия Коля и, раздевшись, прошел в гостиную комнату. Мы с Владимиром присоединились. Софья Андреевна угощала нас супом на курином бульоне. Я не ел вот уже пару дней и был счастлив отведать суп, тем более что бабушка Владимира была искренне рада, что мы так быстро все съели.

– Сейчас я подам картофель с рыбой, – сказала она мне, когда я помогал убирать ей со стола.

– Софья Андреевна, дорогая Вы наша, мы очень спешим, нас в литературном клубе ждут товарищи, – взяв женщину за руки и встав на одно колено, сказал Зорин.

– Ну бросьте, мне даже неловко стало. Идите, конечно, но в следующий раз отменяйте все свои литературные встречи, мне бы хотелось поближе вас узнать, – сказала Софья Андреевна и вышла нас проводить в коридор.

– Непременно придем, обещаем, – сказал Владимир, приобняв старушку.

С чемоданом в одной руке и сигаретой в другой, впереди шел Зорин. Мы с Голубевым шли позади, он рассказывал мне о Софье Андреевне, оказалось, она действительно интересуется его жизнью и всегда спрашивает, кто был на вечере, что читали сегодня.

– Вы, главное, не сердитесь, она женщина очень хорошая. Все спрашивает, когда я приглашу ее с собой на вечер, где буду читать «Капитан с причала Надежды». Я ей этот роман читал уже раз семь, наверное. Она его очень любит. Очень помогала мне, когда я работал над ним, с пониманием относилась к тому, что допоздна сижу, что в библиотеках пропадаю. Порой сижу за столом, засыпаю, а все туда же, пишу, она придет, чай мне с медом поставит, погладит по голове и уйдет. А наутро интересуется, что там с героями произошло этой ночью, как на корабле дела, женился ли капитан, что в новых странах увидели.

Я слушал его, и мне стало так тоскливо и одиноко. Словно в этот самый день я остался совсем один. У меня было письмо от матери, но они были далеко, а в этом городе было холодно, капал дождь, и мне никто не приносил чай с медом и не интересовался, о чем я пишу. Если бы сейчас у меня были деньги, я не раздумывая сел бы на поезд и уехал бы домой. Но денег не было.

Ильич стоял один и читал газету под козырьком подъезда. Он весь промок, стоял, прилонившись к стене, с низко надвинутой шляпой.

– Я уже думал, вы не соизволите появиться сегодня, – сказал Павел, убирая газету. – А куда это, с чемоданом?

– В Петербург еду, не слышал еще? А ты чего один, где Екатерина Федоровна? – Зорин поставил чемодан и закурил.

– Так она уже у Чернова, я ее отправил, думаю, что ей мерзнуть стоять? – начал оправдываться Павел.

– Вот знаешь, Ильич, за что я тебя уважаю? – спросил у него Коля, положив руку ему на плечо.

– За что? – не понял Ильич.

– За то, что ты мог бы стоять рядом с красивой женщиной, вести беседы. На твоём месте я бы так и сделал, а ты – дело другое, ты ее к Чернову отпустил, погреться, – сказал Зорин.

– Так ведь дождь на улице, что мне было? Я бы стоял, газету читал, а она бы мерзла? – возмутился Павел.

– Да успокойте вы его, – вмешался Голубев. – Шутит Зорин, все ты правильно сделал, Ильич.

Так, вчетвером, мы прибыли на квартиру к Чернову. Уже начались чтения, значит, мы пришли в самый разгар. Оставив верхнее пальто и прочие вещи, такие как папки и чемодан, мы аккуратно прошли на кухню, чтобы не мешать выступлению. Сам Чернов появился спустя пару минут.

– Господа, как я рад вас видеть, – очень дружелюбно поприветствовал он. – Сегодня явно стоило бы отменить вечер: столько бездарных стихов, все как сговорились, репертуар хромает, читают плохо. Давно мне не было так стыдно за наш клуб. Одни прозаики чего стоят, все настолько приземленное, что даже обсуждать нечего, – он закурил, хотя никому бы не позволил сделать того же в своей квартире.

– Кто сегодня здесь? – спросил Зорин.

– Лучше не спрашивай, самые, как я считал, лучшие авторы нашего клуба: Тарасов, Шушкевич, Сахаров Дмитрий, Еремин, ну и, конечно же, Катенька, – перечислил гостей Чернов.

– Покровский, стало быть, не пришел? – спросил Зорин у Чернова, но посмотрел на меня и закивал головой.

– У него там что-то случись, Еремин передал, чтобы его сегодня не ждали, – сказал Чернов, взяв со стола яблоко и откусив его.

Коля показывал мне какие-то знаки глазами, шевелил губами, а я не мог ничего понять. Затем он встал и, проходя мимо, похлопал меня по плечу, я пошел следом за Колей в подъезд.

– Будешь курить? – спросил он, протягивая пачку папирос.

– Не откажусь, – взяв одну, мы с Зориным закурили.

– Ты смотри, значит, действительно разрывается, вот и встречу у Чернова пропустил, – загадочно произнес Николай.

– Жертвует малым, как считаешь? – спросил я у Зорина.

– Как знать, Саша, как знать. Может, денег платят, но вряд ли он не ценит Чернова и первое, что он сделал – это поступился его приглашением и погнался за более лакомым куском. Здесь все основано на взаимном уважении. Тем более, зная Покровского, могу сказать, что он человек принципиальный и никогда бы так не поступил, ничего не объяснив. Знакомство с Черновым, мой друг, может открыть тебе много дорог в мире литературы, среди его друзей имеются издатели, крупные книжные дома, как в России, так и за ее пределами. Он далеко не последний человек, и дружба с ним порой становится взаимовыгодным сотрудничеством. В то же время неуважительное отношение к его клубу – или, может, ссора какая – может привести к серьезным последствиям в профессиональной сфере. Двери просто в один миг перед твоим носом могут закрыться. И ладно, если человек сразу все поймет и осознает, а то ведь будет стучаться сквозь запертые двери.

– А почему в таком случае Прытко тебе отказал в печати? – не понимал я связи Чернова и издательского дела, кроме того, что он является чьим-то знакомым.

– Это потому что я не прошу у него помощи. Конечно, он мог бы все устроить, но мне не нужно, чтобы это было сделано таким путем. Мой роман должен быть востребованным с самого начала, в первую очередь, в глазах редактора.

– Ну, это как знать, вот Прытко особенно не оценил, – стараясь не оскорбить Зорина, сказал я.

– Ну и черт с ним, с этим Прытко! Тоже мне, издательство, – Коля сплюнул и уставился в окно.

Мы вернулись в тот момент, когда человек с заунывным голосом как раз закончил читать свое произведение. Как оказалось, Чернов тоже не смог выдержать этого молодого человека, но и не дать ему возможности прочесть – он не мог. Мы вошли в комнату, со всеми поздоровались. В кресле, как и в прошлый раз, сидела Катенька. Увидев нас с Зориным, она подошла.

– Николай, вы сегодня опаздываете. Надеюсь, на то имеются веские основания, – сказала Катенька, подходя к Коле все ближе и ближе.

– Здравствуйте, Екатерина..., то есть Катенька. Да, мы несколько задержались: пока чемодан, пока обед, знаете, как все бывает, – начал тараторить Зорин, явно волнуясь. Катенька повернулась ко мне.

– Месье, – сказала она.

– Мадам, – подыграл я и, взяв ее руку, поцеловал, как и в прошлый раз.

– *Aujourd'hui un jour de pluie*,³ – вздохнула Катенька.

– Вы правы, льет как из ведра, – сказал я отчего-то по-русски.

– Так вы и русский знаете? – в шутку удивилась Катенька.

– *Oui bien sûr*,⁴ – и здесь я понял, что наш двуязычный диалог становится уже слишком.

– С Вашего позволения, Катенька, – Зорин поклонился и отвел меня в сторону.

Мы вышли в коридор, там стоял Чернов и разговаривал с тем печальным юношей, что сейчас читал.

³ Сегодня дождливый день (франц.)

⁴ Да, конечно (франц.)

– Я заметил, как он выходит, нам нужно с ним поговорить, – сказал Коля, кивая в сторону Чернова.

– Ну, так подойдем к нему? – спросил я.

– Мы должны попросить его пройти в его кабинет, чтобы он прочел стихи. Затем он скажет свое мнение, и можно будет продолжить вечер. Самое главное – выцепить Чернова, когда он останется один. Этот юноша, что читал последние полчаса печальным голосом, не отходит от него ни на шаг.

Но после этих слов юноша попрощался с хозяином вечера и пошел прочь. Чернов оглянулся и, увидев нас, подошел.

– Это был племянник Прытко, если вы не знали, я просто не мог не распахнуть перед ним двери нашего клуба. Но какой же он посредственный поэт, это просто уму непостижимо. В любом случае юноша остался доволен, обещал похвалить наше мероприятие дяде, – сказал Чернов как бы между прочим.

– У тебя сейчас есть минута времени? Мне бы показать тебе пару стихов, хотелось узнать твое мнение, – сказал Зорин. Тот кивнул и пригласил пройти в кабинет. Зорин взял папку из коридора, а затем догнал нас.

– А чьи стихи, я могу знать? – спросил Чернов, садясь за свой рабочий стол.

– Они пока что анонимны, попросили узнать мнение критика, литератора, редактора. Я сразу подумал о тебе. Ну так что?

– Я посмотрю, – сказал Чернов. Зорин достал наши стихи, которые мы писали этим днем, и протянул Чернову. Тот с серьезным видом начал читать. Я не мог понять по его мимике, что же он думает о них. Он то хмурился, то его брови наоборот взлетали вверх. Мы стояли молча, смотрели на Чернова, который изучал наши работы.

– Я все же хочу узнать, чье это? – спросил он посмотрев на нас.

– Это моего знакомого, – ответил Зорин, не выдавая нас.

– Как я вижу по почерку, эти стихи принадлежат двум разным людям, но написаны они на бумаге из одной стопки, вот здесь кто-то пролил кофе, и я более чем уверен, на многих листах окажутся точно такие же пятна от кофе. Я бы не спрашивал, если бы ты, Николай, пришел ко мне один, но с тобой пришел наш новый товарищ Филатов, насколько я помню.

– Все верно, – ответил я.

– Не зная, что вы оба пишете прозу, я принял бы эти стихи за ваши, – он посмотрел на Зорина, затем на меня.

– А какое это имеет отношение к стихам? Капли кофе, почерк. Я не прошу тебя помочь мне раскрыть преступление, я прошу сказать свое слово касательно этих стихов, – возразил Зорин.

– Я его знаю, этого товарища, чьи это стихи? Может быть, он сегодня присутствует здесь? – не унимался Чернов.

– Нет, его сегодня нет здесь. Да и потом, Вы его все равно не знаете, – ответил Зорин.

– Что я думаю по поводу этих стихов я скажу лишь автору. Приведите мне его, товарищ Зорин, и я буду Вам благодарен. Кстати, возьмите вот эти деньги и передайте их Вашему товарищу, скажите, что я купил его черновики и что очень бы хотел, чтобы он явился ко мне сам. Думаю, деньги его заинтересуют и он обязательно придет, если ему, конечно, интересно, что я думаю по поводу его работ. А сейчас, господа, – сказал Чернов, вставая со своего кресла, – думаю, наш вечер подошел к концу, сегодня был один из самых тяжелых вечеров. Это просто балаган, а не литературный клуб. Всего доброго.

Глава IV

От Чернова мы решили выйти сразу же, как только он объявил о закрытии вечера. Ильич и Голубев остались у него, так как поступило предложение поужинать. Мы шли с Зориным, он нес чемодан, курил и молчал. Остановившись возле скамейки, он присел, поставил у ног чемодан и предложил мне сесть.

– Я думаю, если он дал денег, значит, все не так плохо, как кажется. Вряд ли бы он стал платить за то, что не стоит и гроша. Кстати, сколько там? – поинтересовался я.

– Это ты просто плохо знаешь Чернова, – он показал мне деньги. – Здесь хватит на месяц безбедной жизни. Это значит, что он очень хочет видеть этого автора. В том, что наши стихи чего-то стоят, я до сих пор сомневаюсь. После того как мы представим ему автора, он может с улыбкой попросить его больше никогда не держать в руках перо. Угостить его выпивкой, поговорить о чем-то насущном и с миром отпустить. Но раз он сказал, что говорить будет лишь с автором, по-другому не будет.

– Просить кого-то из своих, ну, Голубева или Ильича, смысла нет.

– Он их знает, это должен быть человек извне, молодой поэт, с которым мы случайно познакомились и который попросил меня показать его работы. Ладно, хватит сидеть, пошли на Каланчевскую, возьмем чего-нибудь поесть и, может быть, графинчик, – сказал Зорин и, взяв чемодан, мы двинулись дальше.

В пивной было многолюдно, даже не хотелось здесь оставаться, но это уже было наше с Зориным место. Мы взяли себе рыбу с лучком, картошечки, черный хлеб и графинчик водки.

– Я предлагаю сказать Чернову правду, так, мол, и так, хотели мнения со стороны, объективного мнения. Вот и придумали этого автора, – предположил я.

– Нам не стоит это делать от своего имени, понимаешь? По возможности нужно держать это в секрете. Если вдруг поперет, ты представь, придется считаться со всеми, чтобы из зала не выкрикивали: «Не автор это!» или «Да их там целая шайка пишет, эти стихи». Если они Чернову понравятся, думаю, он может сделать интересное предложение нашему поэту, вот только вопрос, где его взять.

Я смотрел на людей за соседними столами и понимал, что невозможно вот так просто подойти к человеку и попросить побыть на какое-то время нашим другом и познакомиться с товарищем Черновым, чтобы он Вам высказал все, что думает о Ваших стихах, которые Вы, конечно, не писали, но это пункт нашей дружбы – выслушивать все, что скажет Чернов о Ваших стихах.

– А может, действительно денег предложить? – поинтересовался я.

– Я тоже думал об этом, в одном театре, здесь недалеко, знакомый у меня есть, только знает его Чернов, сам же меня с ним, кажется, и познакомил. Он вообще большой театрал, любит хорошие постановки.

Наше положение было не из лучших, здесь нужно было подумать. Я старался как мог, смотрел на людей: все были погружены в свои думы и разговоры. Перед нами за столом сидел мужчина, полный такой, часто посматривал на часы, кого-то ждал. За его спиной сидела женщина, она разговаривала с подругой и что-то с ней очень оживленно обсуждала. А вот мимо нас прошел юноша, с точно таким же чемоданом, как и у Зорина. Я присмотрелся получше: это, кажется, и был чемодан Зорина, перемотанный бечёвкой, с царапинами на крышке.

– Коля, чемодан! – крикнул я. Зорин тут же посмотрел под стол. Как я и думал, чемодана он там не обнаружил.

– Где он? – вскочил Коля.

– Да вон, парнишка потащил, в сером костюме, видишь? – я указал на парня лет двадцати, который нес чемодан Зорина и шел крайне медленно, как ни в чем не бывало.

– Так, а ну-ка за ним, – скомандовал Николай, и мы осторожно, чтобы не вспугнуть вора, пошли следом. Он подошел к скамейке в зале ожидания. На ней лежала пара папок и чемодан. Рядом сидела женщина с маленьким ребенком на руках. Молодой человек положил один чемодан на другой. Открыл наш, достал из него мою папку и с интересом начал ее листать. Затем убрал ее обратно, а сверху положил две свои. Насколько его были эти папки, сказать было сложно, так же как и о принадлежности ему второго чемодана законным путем покупки или в качестве наследства.

– А я тебе говорил, чтобы ты не ставил чемодан на проходе. А ты мне: «Он пустой, кому он нужен?» – пожурил я Николая.

– Теперь вижу, что кому-то он действительно нужен. Главное, как чисто работает-то, да и выглядит прилично, не оборванец. Мастер, видимо, заработал таким путем, одежду себе купил да билет на поезд. Все, надо брать, пока никуда не уехал, – и мы с Зориным направились к тому самому парню.

– Уважаемая, не могли бы Вы пересесть в другое место, а то нам с нашим приятелем поговорить нужно, – сказал Зорин, обращаясь к женщине с ребенком на руках. Паренек посмотрел на нас и хотел было бежать, но Зорин остановил его и прижал к скамейке обратно. Увидев всю эту картину, женщина собрала какие-то тюки, ребенка и пошла прочь.

– Чего вам нужно? – спросил юноша, смотря то на меня, то на Колю.

– Для начала верни нам чемодан, – сказал я и кивнул на чемодан Зорина, который парень придерживал рукой.

– Это мой чемодан, я сейчас позову, кого следует, – сказал юноша, и было видно, как сильно он волнуется.

– А мне кажется, что это не Ваш чемодан, молодой человек. Хотя впрочем, зовите, поговорим на четверых, пускай все будет по закону, – а вот Зорин был совершенно спокоен.

Воришка еще раз попытался сбежать, но у него не вышло. За попытку побега Зорин ударил его в лицо, и у того на белоснежной коже сразу же проступил синяк.

– Ты куда собрался, мы, кажется, тебя еще не отпускали. Отдай чемодан дядям, – сказал Зорин, хотя юноша был не намного нас младше, даже роста мы с ним были примерно одинакового. Коле нравилась его новая роль, он наслаждался своим триумфом.

– Хорошо, забирайте, все равно пустой был, – обиженно проговорил юноша, и Зорин перестал его держать.

– Вот и хорошо. Забирай из него все, что ты туда упаковал, – прикрикнул на воришку Зорин и подмигнул мне.

– Да пожалуйста, – юноша встал, открыл чемодан и начал доставать папки и перекладывать их в другой чемодан. Одна, вторая, третья.

– Ты, кажется, взял лишнюю? – сквозь зубы процедил Коля, схватив паренька за шею.

– Отпустите, кому говорю. Сейчас же отпустите меня, – это он начал делать для привлечения к себе внимания. Они – дети улиц, уж больно хитрые и никогда не опускают руки и карабкаются изо всех сил, даже когда положение уже безвыходное. Ну, допустим, набегут женщины, из органов кто услышит, обступят нас, начнут допытываться, за что паренька мучаем, а он раз – и след простыл. Да еще и с двумя чемоданами. Так что здесь нужно быть осторожнее, если хочешь чего-то выбить из этого парня.

– Замолчи, кому говорю, – но на все уговоры Зорина парень не поддавался. В конце концов Коля оставил парня в покое и, взяв все три папки, начал искать ту, что принадлежала мне. Первая папка полетела на пол, со словами: «Не то». Бумаги рассыпались прямо у нас под ногами.

– И это не то, – сказал Зорин, бросая на пол очередную папку. – А вот и наша, – сказал Коля, передавая мне папку.

– Забирайте, и чемодан свой забирайте, – начал ворчать юноша, собирая с пола бумаги. – Я сейчас сяду на поезд и уеду, а вы сидите здесь, со своим пустым чемоданом, несчастные.

– Ты поговори мне здесь еще, – сказал Зорин и отвесил ему подзатыльник. Мне стало даже жаль парня, ну, может быть, не со зла он. Я старался найти объяснение его поступкам, но это было бесполезно. Цепляясь за остатки человеческого, что было в этом юноше, я сказал.

– Ну, Николай, мне кажется, он уже получил свое сполна, – и сел на корточки, чтобы помочь собрать ему рассыпанные Зориным бумаги. Мы раскладывали их по папкам, пока я не заметил, что на всех листах записи ведутся в столбики, как списки.

– Зорин, – я встал и показал ему один из листков, подобранный с пола.

– Стихи? Не может этого быть. Это его? – он указал на паренька. Я кивнул.

– Две папки со стихами, ты можешь себе это представить? – спросил я.

– Кажется, у нас есть поэт для Чернова, – Коля похлопал меня по плечу и сам принялся помогать юноше собирать разбросанные листы по полу.

– Ты смотри-ка, как интересно, твой? – спросил Коля у юноши.

– Уж наверное не Ваши, – ответил паренек.

– Звать тебя как? – поинтересовался я.

– Фитиль, – мрачно ответил тот.

– Нет, ну ты глянь, к нему как к человеку, а он «Фитиль»! Имя у тебя есть, фамилия?

– Я вам так и сказал! А вы на меня раз – и дело сошьете?

– Да не нужен ты нам, мы за чемоданом пришли, – сказал Зорин.

– И папкой, – поддержал я товарища.

Парень молча собирал свои листы, после того как обе папки были успешно перевязаны, он убрал их в чемодан, закрыл его, поправил свою кепку, пиджак и направился в сторону перрона.

– Да и пускай идет, – махнул ему вслед Зорин.

– Да ты что, Коля? Мы же полчаса назад не знали, кого Чернову показывать будем, или, может, у тебя варианты появились?

– Не нравится мне этот парень. И кличка какая-то, Фитиль, – сказал Зорин, провожая парня взглядом.

– Сейчас ведь уедет, ты, как хочешь, а я догоню его, – сказал я Зорину и пустился следом за парнем.

Он стоял возле столба и курил, струйка дыма плавно ползла вверх. Курил он, не вынимая папиросу изо рта, щурил глаза и почесывал затылок. Я подошел к нему.

– Папироски не будет? – спросил я.

– Опять ты? Ладно, держи, – он протянул мне папиросу, я закурил.

– Фитиль, ты это... Не сердись на Зорина, сам понимаешь, что виноват, – сказал я, стараясь быть поучительным.

– Чего уж тут не понять, – расстроено сказал Фитиль.

– Ну а чего тогда надулся? Обидно, поди?

– Обидно, что попался, старею, – сказал он и посмотрел на меня.

– Ну, скажешь тоже. Сколько тебе? – спросил я.

– Семнадцать, – ответил Фитиль.

– Понятно. А выглядишь на все двадцать. Тебе уже не карманником быть надо, а куда выше метить. Я тебе не советую, не подумай, так, рассуждаю. Ты куда путь держишь?

– В Тамбов, – ответил тот и добавил: – К мамке. Я в Москве в десять лет оказался. Дома на поезд прыгнули с парнями и доехали. Они обратно потом, а мне интересно стало. Многому научился здесь. Писателем хотел стать, только одно дело -воровать, а другое – писателем быть. Стал не нужен я в этом городе, теперь обратно домой поеду.

– А почему «Фитиль»? – решил я еще раз попробовать узнать его настоящее имя.

– Меня вообще-то Евгений Раменский зовут, но когда приехал в Москву, связался с парнями, они меня курить и научили. Курю много, вот и Фитиль.

– А стихи, стало быть, твои?

– Мои, все мои.

– А почему на папке и на чемодане написано «Симон Ковальский»?

– Да не мой это чемодан, давно дело было, и папки пригодились, что в нем были. Везет мне на чемоданы, да еще и с папками, – сказал он и недружелюбно посмотрел на меня.

– Ну понятно. А стихи твои, значит, – парень кивнул. Поверю я ему или нет, его не волновало, он сейчас был готов сесть в свой поезд и уехать, так что врать мне не было смысла.

– Мне пора, сейчас поезд подадут, – сказал Фитиль и, подняв чемодан, выбросил окурок. – Бывай, – сказал он мне и, подмигнув, пошел по перрону. Я догнал его и пошел рядом.

– Неудобно как-то получилось, дай, думаю, провожу тебя, – Фитиль хмыкнул и молча продолжал идти. Мне нужно было во что бы то ни стало уговорить его остаться и присоединиться к нашей поэтической аванюре, и с каждым шагом я понимал это все отчетливей. У меня не находилось слов. Не было того русла при разговоре, из которого он мог бы плавно перетечь в это сомнительное предложение.

– Дома чем займешься? – спросил я между прочим.

– Тебе правда интересно? Ну хорошо, может, в поле пойду работать или еще куда, у нас животные есть, а все население – старики. Мне там быстро найдут применение. Говорят, большевики скоро трактор выделяют на наше село.

– Ты знаешь, что сейчас голод в уездах? – спросил я.

– Это ты мне будешь рассказывать про голод? – Фитиль остановился и посмотрел на меня так, словно я не знаю, о чем говорю, а у него опыта хоть куда.

– Так, просто спросил, – сказал я виновато. – Ты говоришь, поэтом хотел стать? У тебя будет такая возможность, если ты останешься, – сказал я интригуя. Мы стояли возле вагона, в который вот-вот сядет Фитиль.

– С чего взял? – спросил он.

– Потому что сегодня звезды на твоей стороне, и этот чемодан, – я кивнул на вокзал, где остался Зорин, – не просто случайное совпадение. Мы с Зориным писатели, сейчас пишем поэзию, и от его лица хочу предложить тебе присоединиться к нашему творческому кругу.

– Прямо так и писатели? Что пишете? Издаетесь? У кого состоите? – спросил Фитиль, прищурив глаз. Он явно мне не доверял, как, впрочем, и я ему.

– Мы работаем над издательством, у Прытко. Он сейчас в командировке, вроде бы. А так, вряд ли тебе что-нибудь, конечно, это скажет, но мы читаем на вечерах у Чернова.

– Бреешь? – воскликнул Фитиль и начал ходить взад-вперед. Еще недавно на допросе у меня был этот паренек, но правила игры изменились. Но один вывод из его действий я все-таки сумел извлечь: не нужно ничего доказывать. Нужно определиться, веришь ты или нет. Если же веришь, принимай человека, правда откроется со временем. Если же нет, можешь разворачиваться и уходить. Было видно, как у паренька загорелись глаза, но доля сомнений в них все-таки преобладала.

– Прямо, так и к Чернову с собой возьмете? – спросил он.

– Ну, если ты сейчас сядешь в свой поезд и уедешь, тут уж извини, брат. Чернова мы в Тамбов не привезем. А останешься – и десятого числа будешь читать у Чернова, перед лучшими поэтами, например, Покровским, Ереминым, Екатериной Земской.

– Десятого, говоришь? – мы закурили, я молча кивнул.

– Если ты насчет билета, так уж и быть, одолжим тебе денег, а если мать ожидает, то думай сам, – это были последние слова, сказанные мной в его адрес. Других аргументов у меня не было, но удочка была верно закинута, и сейчас нужно было сделать решающий шаг, а именно развернуться и уйти. Я так и сделал. Зорин сдался в самом начале, а я хотя бы попытался

уговорить парня. Фитиль оказался непрост, но и мы что-нибудь придумаем. Я вошел в здание вокзала. Коля сидел за нашим столом в пивной.

– Ну и чего ты пошел за ним, я не понимаю, – возмутился Зорин, пока мы шли к выходу.

– Думал, может, это наш шанс. Может, уговорить получится, – грустно сказал я.

– О чем столько говорили? Я уже заждался тебя.

– Да так, спрашивал, куда едет, чем занимается.

– А то ты не видишь, чем он занимается, – удивился Зорин. После недолгого молчания он добавил: – А впрочем, было бы неплохо, присоединись он к нам. Нам как раз такого бы, который не будет попрекать нас и разводить чистоплюйство. Которому мы только полезное сделаем, глядишь, поэтом бы стал.

Выйдя из здания вокзала, я не поверил своим глазам: прямо на чемодане, в сером костюме сидел Фитиль. Я свистнул. Тот обернулся, посмотрел на нас, встал, взял свой чемодан и, почесывая затылок, медленно пошел к нам.

– Все равно без билета ехал, да и мамке телеграмму не посылал, не ждет меня там никто, – сказал парень, смотря в пол.

– Ну что, поэт, десятого числа к Чернову? – спросил я.

– Ну, коль не шутишь, – ответил тот.

– Зорин Николай, – протянул руку Коля.

– Женька Раменский, – хлопнул его по руке Фитиль.

– Ты гляди мне только, без фокусов. У нас такие дела не любят, мелковаты они. Мы тебе дело предложить хотим, оно посерьезнее будет, чем чемодан воровать, – сказал Зорин. – Ну обо всем по дороге узнаешь, ты где живешь?

– Жил, – с досадой ответил Фитиль. – Задолжал сильно, бросил свои вещи, да и утек.

– Вещи, говоришь? – задумался Зорин.

– Там одежда да стихи остались с принадлежностями. Все равно не жалко, – ответил Фитиль.

– Стихи – это серьезно, – сказал я, посмотрев на Зорина.

– А то! – подыграл мне Коля. – Давай, показывай дорогу.

– Да бросьте, я все равно не вернусь, – запротестовал тот.

– И без разговоров, – поставил я точку.

Оказалось, Фитиль снимал комнату у одной женщины. Поначалу денег хватало, а затем дела совсем плохи стали. Наплел ей, будто дядя приезжает, тот и выплатит все, что Фитиль задолжал. Но никакого дяди не было и в помине. Поначалу хозяйка согласилась, но с каждым днем все чаще стала интересоваться, скоро ли приедет тот самый дядя, о котором шла речь. Фитиль жил там, пока не понял, что оставаться больше у нее не может, так как хозяйка начала угрожать полицией. Вот он и ушел из ее дома около пяти дней назад, а вещи оставил, чтобы подозрений было меньше и не сразу его искать начала.

– Здесь, – указал на старый дом Фитиль. – На третьем этаже, в двадцатой.

– Пошли, – скомандовал Зорин, но Фитиль стоял как вкопанный.

– Зачем это? Все равно она вещи не отдаст, а меня задержат, – забеспокоился парень.

– Никто никого задерживать не будет. Мы просто поговорим с этой женщиной, заберем вещи и уйдем, – Зорин говорил очень уверенно, а Фитиль страшно заволновался, услышав такой план.

– Мы об этом не договаривались, я и без этих бумажек проживу.

– Так дело не пойдет, ты задолжал женщине за комнату? – спросил я.

– Задолжал, – промямлил тот.

– Так будь любезен отвечать за свои поступки. Уехать все мы можем, – сказал я и, взяв его за руку, потащил в подъезд. Фитиль смирился с неизбежностью расплаты. Он поднимался

по лестнице, как узник, и что-то бурчал себе под нос. Остановившись у нужной квартиры, Зорин поправил свой костюм, шляпу и позвонил в дверной звонок.

– Кто там? – раздался женский голос по ту сторону двери.

– Мы Вам мальчика привели, говорит, у Вас живет, – сказал Коля. Затвор двери тут же звякнул, и дверь немедленно отворилась. На пороге стояла тучная женщина в пестром платке на плечах и косынке на голове. Увидев нас, она часто заморгала, пытаясь понять, кем мы являемся. На Женю она смотрела со всей злобой, которую только может источать женщина. Она хмурила свои брови, но не проронила ни слова, хоть уголки ее губ и подрагивали в желании разразиться скандалом.

– Добрый вечер, любезнейшая, – сказал Зорин, и все внимание женщины устремилось на него.

– Добрый, – хриплым голосом проговорила та, чуть ли не теряя дар речи.

– Меня зовут Николай Степанович Зорин. Мой племянник, Евгений, говорит, будто остановился у Вас, жил здесь в ожидании моего приезда.

– Да уж, жил, – съязвила она.

– Прошу Вас пустить нас в дом и поговорить. Мы с моим коллегой только что приехали из Петербурга, с дороги устали, и не хотели бы обсуждать все вот так, стоя в подъезде. Может быть, подадите нам чай, – тут взгляд женщины окинул нас с головы до ног, она увидела чемодан в руках у Зорина и пригласила нас войти. Ее отношение стало вдруг совершенно другим. Она заулыбалась, пригласила нас на кухню, где поставила чайник.

– Уж простите, сразу и не поняла, в чем дело, – извинялась та, хлопоча на кухне. Фитиль выглядел очень удивленным и не понимал, к чему весь этот спектакль. Я тоже не мог понять, но полностью доверял Коле и его плану.

– Ничего, уважаемая, как Вас, простите, зовут? – спросил Зорин.

– Варвара Ивановна, хозяйка, – отчего-то сказала та и села на стул.

– Так вот, Варвара Ивановна, мы бы хотели узнать, что же произошло, что мой племянник уже который день в ожидании моего приезда вынужден жить на вокзале, – спросил Зорин.

– Не знаю, – выпалила женщина. – Он у меня жил, платил изрядно, в срок, а затем сообщил, что денег нет. Мол, дядя, то есть Вы, скоро приехать должны. Я не злая, пожалела мальчонку-то, разрешила пожить. Он мальчик тихий, стихи пишет, никому не мешает. А потом, вы уж извините, заподозрила его в обмане. Думаю, не сочиняет ли, как стихи свои сочиняет, так и мне. Виновата, конечно, что не поверила, припугнула его, мол, в полицию сдам, но я бы, конечно, такого не сделала, вы уж мне поверьте, – на лбу у Варвары Ивановны крупными каплями проступил пот. Ее руки била мелкая дрожь, и она то и дела хватала себя за сердце.

– Так значит, он Вам не платил? – удивился Зорин.

– Да там сумма небольшая, я бы и месяц потерпела, и два, сколько нужно было бы, – начала открещиваться женщина.

– Непорядок, – Зорин задумчиво посмотрел на Женю, тот виновато опустил голову. – Я закурю?

– Конечно-конечно, – замахала руками. – Я вижу, Вы человек уважаемый, серьезный... – но не закончила Варвара Ивановна, как Зорин ее перебил.

– Конечно, уважаемый! О чем может быть речь. Я работаю в Петербурге в министерстве... знаете ли, – Зорин закурил. – Досталось мне это наследство, от моей сестры покойной. Светлый был человек. Но я и представить не мог, что, вернувшись из поездки, найду своего племянника в отделении полиции, – сказал он.

– Как в отделении? – Варвара Ивановна побледнела.

– В полицию обращались? – спросил я. Женщина замялась, начала теребить свой фартук и что-то лепетать.

– Да, в полиции! Он ждал меня на вокзале. Я должен был приехать еще пять дней назад, но вы же знаете, что сейчас выкроить время занятому человеку, при такой-то должности, – Зорин поднял палец вверх.

– Представляю, – сопереживала Варвара Ивановна. – Ох, представляю.

– Задержался страшно, на пять дней, и, приехав на вокзал, не обнаружил встречающего меня племянника. Ну, поспрашивал там, выяснил, что задержали его как беспризорника, да еще и подозревают его в чем-то там. Скандал был страшный, – Зорин выдохнул дым через нос и гневно посмотрел на Варвару Ивановну.

– Да я так, лишь сказала знакомому, что, мол, мальчонка, не заплатил, да пропал. А он, оказывается, в полиции работает, видимо, услужить хотел, он давно в мужья напрашивается, – покраснела женщина. – Уж не обижали его там?

– Конечно, его там не пряниками кормили, можете убедиться, – я взял Женю за голову и повернул лицом к Варваре Ивановне. На лице Фитиля сиял огромный синяк под глазом, правда, оставленный Зориним. Женщина заохала, заохала и принялась причитать.

– Так сколько он Вам должен, уважаемая? Я вижу, как-никак создал Вам неудобства в лице своего племянника?

– Да бросьте, Николай Степанович, какие могут быть деньги? Чуть было мальчонку не погубила.

– Столько хватит? – отсчитал несколько купюр Зорин и положил на стол.

– Более чем, – женщина сразу же схватила деньги и убрала в карман своего платья.

– Мы пришли за его вещами, если вы, конечно, не против, – сказал я, напоминая всем цель нашего визита.

– Конечно-конечно. Он как только ушел, так я его комнату-то и заперла, никто туда и не заходил.

– Вот и хорошо. Собирайся, Евгений, нам пора, – сказал Зорин, завершая свою роль влиятельного дяди.

Фитиль пошел собираться, а мы все это время пили чай. Зорин ни на шутку разошелся и начал рассказывать, как нынче живут в Петербурге. Рассказывал о своей работе в министерстве, о том, как у него все по струнке ходят и что он обязательно возьмется за воспитание своего племянника.

– Вы уж простите меня, не со зла я. Очень сожалею, что не поверила мальчику. Если нужно будет пожить, вы останавливайтесь у меня, я всегда буду рада, – сказала Варвара Ивановна, уже провожая нас в коридоре.

– Не сомневаюсь. Всего доброго, – сухо сказал Зорин, приподняв шляпу и удостоверившись, что ничего не забыли, мы вышли в подъезд.

Глава V

Решено было, что жить Фитиль останется у меня, так как у Зорина и без того мало места. В первую ночь мы до утра просидели за бутылкой с вином у меня в квартире и читали стихи Фитиля. Он оказался очень хорошим поэтом, и его стихи на нашем фоне выглядели куда более профессиональными и душевными. Мне одно из них очень запомнилось, с первых же строк я полюбил его, а затем, часто перечитывая, выучил его наизусть.

В моем доме тусклый свет меняет оттенки дня,
Написано кому-то звездами счастливыми быть,
А мне сказано лишь, исписать до капли себя,
Оставляя следы вопросов, оставляя следы борьбы.
И уже нет крыши, над моей головой – лишь ветер,
По коже мороз, треплет мне волосы и бумагу,
Грустные в сердце ноты играет скрипач на рассвете,
Жалеет бездомных собак, собаки жалеют бродягу.
Что-то мне, милая Родина, стало очень уж горько,
Пить воду из сточных труб, есть сухой и черствый хлеб,
Других ты жалеешь, мать, не меня ты жалеешь только,
И снова луна серебром освещает мне скудный ночлег.

Он писал о чем-то таком, чего мне и никогда не приходилось чувствовать. В своих стихах он открывал себя, ранимого, забытого всеми. Я иногда смотрел на Женю и не мог поверить в то, что он сам выбрал для себя этот путь, давно, еще в десятилетнем возрасте, ради детской забавы и каких-то немислимых убеждений. Мы работали над стихами почти каждый день, собираясь у меня или у Зорина. В них мне все больше и больше виделось сплочение, хотя Коля нередко отзывался о нашем решении приютить у себя Фитиля как о самом безрассудном поступке. Он был скептически настроен, и нередко мне приходилось слышать о том, чтобы я повлиял на Женю, на его воспитание, манеры, обучил его правилам этикета. Можно сказать, Фитиль стал моим подопечным, и все его промахи были лишь моей головной болью. В Жене я видел, в первую очередь, огромную благодарность. Он с искренним теплом относился к нам. Но меня почему-то воспринимал с серьезом, что не скажешь о Коле, которого он порой мог вывести из себя самым безобидным, по его мнению, вопросом или фразой.

На второй день Жениного пребывания он неожиданно для нас с Зориным ушел, и его не было до глубокой ночи. Коля недовольно вздыхал и косился на меня. Я чувствовал, что должен как-то оправдаться, но у меня не было ни малейшего представления, куда и зачем мог отправиться Фитиль. Вернулся он пьяный, весь потрепанный, много смеялся и очень громко читал стихи. Он забирался на стол, размахивал руками.

– Если ты и дальше не будешь ничего делать, нам придется с ним попрощаться, – задумчиво произнес Зорин, смотря на шатающегося Женю.

– Я сейчас отправлю его спать, – только и мог ответить я.

Зорин очень любил стихи, которые писал Фитиль, он буквально зачитывался ими. И потребовалось много часов безуспешных споров, чтобы убедить Зорина относиться к Жене так же хорошо, как и к его стихам. Голубев и Ильич не появлялись. У них самих было много дел. Ильич работал над своим романом, а Голубев обивал пороги издательств, но, по всей видимости, безуспешно. Именно он и напомнил мне о том, что я до сих пор бездействую и мой роман до сих пор лежит без дела. Я даже забыл о том, что хотел прочесть письмо от матери, а уж про «Золотые колосья» Зорина я мог бы и вовсе промолчать.

Уже было девятое число. День обещал быть спокойным и тихим, мы втроем сидели в комнате и каждый из нас писал свое стихотворения. Я достал письмо от матери и, посмотрев на конверт, погладил его рукой. Открыв его, я достал сложенный вчетверо листок бумаги:

«Дорогой Саша!

Давно не получала от тебя писем и очень переживаю, все ли у тебя благополучно? Отец теперь работает в поле, я к нему прихожу после занятий, которых в последнее время не так много. Все спрашивают о тебе, а Борис Николаевич с нетерпением ждет твоего возвращения, хочет взять в свою бригаду. Меня ругает, что отпустила тебя в город. Светлана заходила на днях, красавицей стала, замуж выходит. Все о тебе спрашивала, как ты там, в городе.

Пиши, сынок, очень любим и ждем»

Я вздохнул, еще раз перечитал письмо и хотел было написать ответ, но писать мне было не о чем. Не хотелось расстраивать ни мать, ни отца, так как успехов у меня не было. Мой роман пылится в папке, а новости о том, что связался с поэтами и теперь пишу стихи целыми днями, могли их расстроить. Работая на кондитерской фабрике, я худо-бедно посылал деньги, а когда ушел оттуда, возможность помогать родителям иссякла. Решение об обратном письме домой я отложил.

– Так, ну посмотрим, что у нас получается, – сказал Зорин, и я отложил письмо и отвлекся от своих дум. – Фитиль, начинай.

Женя встал со своего стула и начал читать:

Вернуться нет возможности по льду, скользит подошва,
Вдохнуть – и в путь, не встану в позу посреди замерзших луж,
Продолжу сокращать то расстояние, что мною скошено,
За двадцать пять лет мной оставленных и позабытых душ.

– Очень хорошо, Фитиль, это прекрасные строки. А почему за двадцать пять лет? Тебе ведь семнадцать, насколько, мне не изменяет память, – сказал Коля.

– Ты прав, но к двадцати пяти оставленных и позабытых душ станет еще больше, – улыбнулся Фитиль. – Это немного не обо мне, это я пишу от лица лирического героя.

Я же увидел в этих строках не лирического героя, а самого Женю, только чуть старше, он словно пишет о себе в недалеком будущем. Он знает наперед, что оставлять позади тех людей, что ему дороги, придется всю жизнь, может быть, и мы с Колей попадем в их число.

– Филатов, давай, – Зорин посмотрел на меня.

– Я сегодня не могу ничего из себя выжать, – и пожал плечами.

– Почему выжать? Стихи, они же идут от сердца, – удивился Фитиль.

– Потому что я больше прозаик, чем поэт, – сказал я.

– Но все равно, тебя ведь что-то волнует? На душе есть какой-то камень? – Фитиль был настойчив, и мне стало не по себе отвечать на его вопросы.

– Может и есть, только написать об этом у меня вряд ли получится, – сказал я и пошел на кухню.

Там, стоя у окна, я слушал, как читал свои стихи Зорин, и ничего не понял, потому как все мои мысли были заняты размышлениями о том, что сказал Фитиль. При всем его положении у этого юного человека была большая душа, и он мог растопить ей не одно сердце. Я восхищался его умением быть честным, даже невзирая на его прошлое.

– Так, завтра мы идем к Чернову, – заявил Коля, зайдя на кухню. Женя вошел за ним следом.

– Ты помнишь, что от тебя требуется? – решил уточнить я.

– Да, спросить у Чернова насчет моих стихов, понравились ли они ему. Поблагодарить за деньги. Кстати, я так и не понял, за какие деньги? У меня в карманах огромные дыры, и там совершенно пусто, – он улыбнулся и протянул ладонь, но Зорин лишь ударил по ней своей ладонью.

– Ты мне это перестань. Считаю, что деньги были выплачены за твою комнату Варваре Ивановне, – грубо ответил Коля.

– А я разве просил, чтобы за меня платили? Это вам было зачем-то нужно, – возразил Женя

– Так, Филатов, уйми его! Я этого больше не вынесу, – Коля указал мне на Женю и, взявшись за голову, опустил локтями на стол.

– А что я сказал? – возмутился Фитиль, но я взял его за плечи и вывел с кухни.

– Ничего, – сказал я, заходя в комнату. – Садись.

Фитиль сел и начал настукивать костяшками по столу. А я не мог найти подходящих слов, чтобы начать с ним разговор.

– Давай так: чтобы не возникало у тебя лишних вопросов, я расскажу тебе все с самого начала? Договорились? – спросил я.

– Валяй, – ответил Фитиль.

– Не «валяй», а «слушаю»! Да что же это за человек такой? – донесся с кухни голос Зорина.

Я рассказал Жене все про наш план. Я говорил от нас двоих, и от себя, и от Зорина, хотя и считал, что эта затея – дело рук Коли. Зорин был против того, чтобы мы рассказывали Жене все как есть, но от незнания Фитиль задавал еще больше вопросов, чем раздражал Колю. Фитиль внимательно слушал, улыбался и, казалось, теперь он будет стараться в два раза больше, уж так сильно у него горели глаза.

– Такой ход дела по мне, – после услышанного ответил он.

– Ну, я рад, что смог до тебя донести все, что знаю. Фитиль, ты же понимаешь, что то общество, в котором мы хотим тебя представить, очень культурное и интеллигентное. На жаргоне там говорить не принято, так что набирайся манерам у меня и Коли. Не уверен, что Чернов тебя похвалит за те стихи, что мы ему принесли, но в любом случае ты не мнимый поэт, а настоящий, и если он спросит прочесть что-нибудь еще, у тебя есть такая возможность. А по поводу денег, что нам дал Чернов за стихи, тут Зорин, конечно, прав. Часть мы отдали за комнату. На остальную мы сейчас не даем себе умереть с голоду, – я старался быть с ним очень открытым и честным, надеясь на понимание с его стороны.

– Хорошо, я все понял. Ты меня поправляй, если что, ну, знаешь, мало ли, – и он пожал плечами. Возможно, ему было не стыдно протянуть руку, но просить о помощи для него был новый путь. В душе я был рад этому.

– Думаю, нам нужно определиться с псевдонимом, пока мы все здесь. Я завтра постараюсь договориться о чтении в одном клубе, – сказал Зорин, войдя в комнату.

– Нет, сегодня я не в состоянии что-либо придумывать, – я поднял руки вверх.

– Может быть, аббревиатуру сложить? – спросил Фитиль. – Зорин, Филатов и Раменский, получается ФЭЭРЗЭ.

– И у кого из писателей ты видел такие псевдонимы? – спросил Зорин.

– Я только предложил, – ответил Фитиль.

Мы перебрали кучу имен и фамилий, старались создать что-то новое, ранее не использованное, свежее, как вдруг мой взгляд упал на чемодан, с которым приехал Фитиль.

– Симон Ковальский, – воскликнул я.

– А это откуда? – поинтересовался Коля.

– Это у меня на чемодане написано. Я его стащил у одного пассажира, – я внимательно наблюдал за Женей, и кажется, что я не ошибся на его счет. Ему было стыдно это рассказывать.

– Неплохо звучит, – поддержал идею Зорин. – Ты как? – спросил он у Жени. Тот одобритительно кивнул.

Вечером, когда мы провожали Зорина до дома, у самых ворот во двор Коля сказал мне то, чего я даже не заметил.

– А ведь в своей аббревиатуре тебя он поставил на первое место. Так что не удивляйся, почему с тебя и спрос больше. Ты для него авторитет, мой друг. Может быть, поэтому я так и завожусь, толком не знаю.

Слышать это от Зорина было нелегко, и все-таки приятно. Я лишь кивнул ему в ответ, и он пошел во двор своего дома. Пока он еще не скрылся из виду он добавил:

– Завтра в четыре часа на Каланчевской в баре, не опаздывайте, оттуда к Чернову, – и, помахав нам, исчез за углом.

Мы с Фитилем посмотрели друг на друга и пошли домой.

– Волнуешься? – спросил я у него.

– А чего волноваться? Я стихи давно читаю, так что завтра прочту все как надо, если потребуется.

– Ну, будем надеяться.

– А какой он как человек, Чернов этот? – спросил меня Фитиль.

Я замолчал. Я видел его лишь пару раз, да и до знакомства с ним не слышал о таком человеке. А Фитиль – дело другое: он восхищается им, точнее, его клубом, о котором многое слышал, но где так ни разу и не был.

– Хороший он человек, – сказал я.

– Властный? – спросил Фитиль.

– Я бы сказал уважаемый, – мне пришлось парировать и уйти в сторону, так как обсуждать Чернова мне совершенно не хотелось. – Завтра придешь к нему, познакомишься и составишь свое мнение.

– Мне было интересно твое мнение. Значит, стало быть, ты прозаик – рассказы, истории? – спросил у меня Фитиль.

– Пока что лишь один роман, – ответил я, внутри все снова сжалось от мысли, что я не завершил начатое, в которое вложил столько труда.

– Так как ты его написал, если тебе приходится выжимать из себя идеи? – я повторюсь еще раз, Фитиль хоть и был с неблагоприятным прошлым, но он был абсолютно неглупым человеком. Раз уж я хотел от него честности и доверительных отношений, мне пришлось говорить с ним открыто.

– Я в детстве очень много читал, знаю французский благодаря моей матери, что позволило мне прочесть много романов и просто хороших книг. Картины, которые витают у меня в голове, порой так и хочется воплотить на бумаге, вот только думаю, не осилю я это написать так, как пишут маститые и известные авторы. Читателю не будет интересен мой слог, написано все будет слишком просто, и донести всю историю будет крайне сложно. Но поверь, если бы я был хорошим писателем, у меня обязательно бы получилось воплотить все задуманное в жизнь. Наступает минута сомнения, начинаю копать в себе и словно ножом режу свою душу, когда говорю себе – не смогу, – это была истинная правда. Признаться в этом самому себе я не мог, но Фитиль буквально вынудил меня. При всем моем упорстве и стремлении мой роман давался мне очень сложно, возможно, оттого, что он был первый.

– Разреши мне прочесть его, я скажу свое мнение, если тебе оно будет интересным? – спросил у меня Фитиль.

– Ты хочешь его прочесть? – удивился я.

– Разве я сказал что-то другое?

– Просто неожиданно это все, – сказал я.

– Пора привыкать или ты так и будешь сомневаться в себе? – ответил тот и посмотрел на меня. – Ты боишься быть отверженным издательством и только поэтому не спешишь нести его в редакцию. Но ведь я вижу, что каждый день ты буквально изводишь себя мыслью, что пора это сделать, пора показать его людям. Под лежащий камень, как известно, вода не течет, – сказал Фитиль.

– Хорошо, можешь взять его. Ты будешь первым, кто его прочтет, – улыбнулся я.

– Почту за честь, – улыбнулся в ответ Фитиль.

На следующий день с самого утра меня не оставляла мысль, что пора приниматься за новый роман. В голове рождалась идея, ее герои были яркими, сюжет обещал быть интересным. Я сделал пару заметок на листе. Фитиль сидел в кресле, пил чай и читал мой роман. Мне не терпелось узнать его мнение, но я решил не торопить Женю с ответом. Он читал молча, иногда останавливался, смотрел в окно, щурил глаза, а затем вновь начинал читать.

– Так, уже четверть четвертого, нужно собираться, Зорин будет нас ждать, – на мои слова Фитиль беспрекословно отложил мой роман и начал собираться.

– Я отобрал пару стихов, которые возьму с собой, если Чернов захочет взглянуть на них, – сказал Фитиль. – Они там, на столе, – крикнул он откуда-то из коридора.

На столе лежали его стихи, они были написаны аккуратным, ровным почерком, совсем не похожим на те, что были написаны мной и Зориним. У Чернова могли возникнуть вопросы, но, зная Фитиля и его язык, думаю, он сможет выйти из ситуации.

– Вы будете там же? В кабинете? – спросил Женя.

– Этого я не знаю, возможно, Чернов захочет пообщаться с тобой наедине, – сказал я и только сейчас понял, что это действительно может быть, и мы с Зориним не сможем контролировать ситуацию. Мы не сможем помочь в нужную минуту, повлиять на ответы Жени или вопросы Чернова, нам останется лишь ждать.

Мы начистили обувь, причесались и отправились в кафе, где у нас с Зориним была назначена встреча. Он уже ждал нас за нашим столом.

– Хорошо, что пришли чуть раньше, – обрадовался тот. – Стихи взяли?

– Да. Как насчет первого чтения? Договорился о выступлении? – спросил я.

– О да! Господа, приглашаю вас завтра на первое чтение малоизвестного, но очень талантливого поэта Симона Ковальского в театре «Модерн», – засиял Коля.

– Поздравляю, это действительно начало нашего творческого пути, – поддержал я.

– А кто из нас будет читать? – задал вопрос Фитиль, и улыбки мигом исчезли с наших лиц.

– Об этом поговорим после, – раздраженно процедил Зорин. – Тоже мне, нашел место, – начал оглядываться он.

– Так Ковальский и будет читать, ты чего, Фитиль? – пошутил я, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Сейчас, к нам должны подойти Голубев и Ильич, надеюсь, все помнят: ни слова, – приложил палец к губам Коля и посмотрел на нас. Тут же, как и сказал Зорин, появились наши знакомые.

– Я смотрю, в нашем полку прибыло? – спросил Голубев и протянул руку Жене, – Владимир Голубев.

– Евгений Раменский, очень приятно, – сказал тот и поздоровался.

– Павел Ильин, – представился тот и тоже пожал руку Жене.

– Зорин, ты где их берешь? За десять дней уже второго человека нашел? – спросил у него Ильич.

– Это товарищ Филатова, я здесь ни при чем, – откестился от Жени Зорин.

– Да, это мой товарищ, приехал из Петербурга не так давно, – я кивнул Жене в знак, что это «свой», но уж лучше говорить буду я.

– А чем Вы занимаетесь, Евгений? – спросил Голубев, поправляя очки.

Фитиль немного растерялся, занервничал и не сразу нашелся, что сказать, но посмотрел еще раз на меня и набрался уверенности.

– Я, господа, начинающий поэт, иду к Чернову. Саша обещал меня познакомить, может быть, он оценит мои стихи. Также хотелось бы прочесть их публике, тем более что о клубе у Чернова уже слагаются легенды. По крайней мере, у нас в Петербурге о нем знают все, и попасть к нему считается в высшей степени признаком большой удачи, – Фитиль держался хорошо, складывалось ощущение, что он всегда общается в подобном обществе интеллигентов.

– Почту за честь послушать ваши стихи, молодой человек, – в знак признания закивал Ильич.

Зорин смотрел на меня с восхищением и разве что не аплодировал мне за эту блестящую речь Жени.

– Благодарю. Думаю, у Вас будет такая возможность сегодня вечером. В любом случае, надеюсь, это не будет единственной нашей встречей и мы сможем встретиться в любой другой день, – сказал Фитиль, и все с воодушевлением закивали.

Он мог бы сойти за петербургского студента, сына дипломата, уж больно хорошо он держался в обществе. Он был актером, я видел в нем эту прекрасную игру, которую он исполнял перед нашими знакомыми, и не понимал, почему мы это делаем. Почему мы обманываем даже близких, не говоря о десятках людей, которые придут завтра на выступление Симона Ковальского. Я наблюдал за общением, которое происходило за нашим столом. Всем был интересен новый человек в нашем круге. Он рассказывал какие-то удивительные истории из жизни Петербурга, и вдруг я заметил, что их же не так давно рассказывал Зорин в квартире у Варвары Ивановны. Правда, из уст Жени рассказ казался более убедительным, и я заметил, что даже сейчас он вкладывает душу в то, что делает.

По дороге к Чернову все шли впереди, мы же с Зориным плелись сзади. Он то и дело вздыхал.

– Много отдал за участие? – спросил я.

– У них там уже была программа на троих участников вечера, пришлось отдать последнее, чтобы Ковальского включили в афишу и он выступил наравне со всеми.

– Ты так и не ответил там, в кафе, кто же будет завтра читать, – я вопросительно посмотрел на Зорина.

– Думаю, Фитиль пускай и читает. Только ночью пусть готовится. Я сегодня его не узнаю, абсолютно другой человек, а как общается со всеми. Он определенно должен понравиться Чернову.

– Это будет грандиозное появление Симона Ковальского, уж я тебя уверяю. Он обязательно должен будет запомниться слушателям, пусть они его и увидят в первый раз, – сказал я, поддерживая решение Зорина.

– Только вот как раз не нужно, что бы он особенно запомнился зрителям. Он должен донести до них свои стихи, сделать это так быстро и так красиво, чтобы они и не поняли, кто это был, лишь на выходе посмотрели еще раз на афишу и увидели среди знакомых фамилий и имен некоего Симона Ковальского. Это наш единственный шанс на продолжение нашего коллективного чтения.

– Думаю, у него получится сделать все, как нужно. Я в него верю, – сказал я.

– Я бы тоже очень хотел, вот только что-то мне не дает покоя, – призадумался Зорин.

– Например, – уточнил я, но Зорин в ответ промолчал.

Чернов вышел нас встречать, как обычно, в прекрасном расположении духа.

– Вы себе не представляете, что значили для меня эти семь дней без нашего литературного клуба, – сказал он, приглашая нас пройти.

– Знакомьтесь, это Евгений Раменский, поэт, – сказал Зорин, уступая проход Жене.

– Всегда рад видеть, Чернов, – так же доброжелательно, как и неделю назад, поздоровался он с новым членом нашего литературного клуба. – Мне также нравится, что Вы поэт. Давно у нас не было талантов, да еще таких молодых, как Вы.

– Благодарю, рад слышать, – ответил Фитиль и чуть было не засмутился. Он хорошо держался, наравне со всеми нами. Сегодня не было Катеньки или она придет чуть позднее, зато своим присутствием Чернова удостоил Покровский. Они о чем-то долго говорили на кухне. Еремин все это время сидел один, листал свои записи и ни с кем не общался. Я подошел к нему.

– Здравствуйте, – сказал я. Тот отвлекся от своих записей и встал.

– Добрый вечер, рад Вас видеть, – сказал Еремин.

– Мы так и не познакомились, меня зовут Филатов Александр, – сказал я.

– Еремин Степан Сергеевич; вы, кажется, товарищ Николая Зорина, – спросил тот.

– Так и есть.

– Будете сегодня что-нибудь читать? – спросил Еремин.

– Если дадут слово, – отшутился я.

– Будет интересно послушать. Вы же, наверное, читали «Золотые колосья» Зорина? – поинтересовался тот.

– К сожалению, до сих пор мне не удалось этого сделать, а Вы, стало быть, читали? – спросил я.

– Нет, но Зорин нам читал выдержки из своего романа. Он хороший автор, у него большое будущее, думаю, раз он Ваш друг, то где-то между Вами должны быть точки соприкосновения, и Вы пишете ничуть не хуже.

– Благодарю, надеюсь оправдать Ваши ожидания, – улыбнулся я.

– Может быть, Вы хотите коньяк? – Еремин указал на столик рядом с креслом.

– Не откажусь, – согласился я и, разлив по бокалам коньяк, мы выпили. Я хотел продолжить разговор с Ереминым, но в этот момент меня подозвал Зорин.

– Прошу меня извинить, я скоро вернусь, – сказал я и, поставив бокал на столик, пошел через зал к Коле.

– Так, – чуть нервничая, сказал Зорин, – сейчас подойдет Чернов, будем представлять ему поэта.

– Я думал, их знакомство уже произошло, – удивился я.

– Я о другом, – сухо ответил Зорин. В этот момент к нам присоединился Фитиль, в руках у него была тарелка с закусками, он уже что-то жевал.

– Ты где ходишь? А это что? – удивился Зорин, забрав у него тарелку.

– На кухне был, мне Чернов сказал отнести сюда, – оправдывался Фитиль.

– Это совсем не значило, что ты можешь есть. Мы разве за этим сюда пришли? – Зорин отчитывал Женю очень тихо, чтобы не привлекать к нам особого внимания.

В дверях появился Покровский, за ним следом вошел Чернов. Мы подошли к нему.

– Чернов, как и было обещано, поэт! Автор стихотворений, которые ты имел возможность прочесть в прошлый раз, – представил Зорин нашего поэта.

– Конечно, так, стало быть, Вы и есть тот самый поэт, – Чернов принялся рассматривать Женю.

– Да. Хочу Вас поблагодарить за то, что купили мои работы, это большая честь для меня, – сказал Фитиль, он был абсолютно искренним, когда говорил это, и не знай я всех тонкостей, поверил бы ему, как себе.

– Пройдемте ко мне в кабинет, у меня к Вам есть один очень интересный разговор, – сказал Чернов и жестом указал на дверь в кабинет. Фитиль кивнул и пошел следом.

Глава VI

Все это время, пока Женя находился в кабинете, я в буквальном смысле не находил себе места. Естественно, чтения были на какое-то время приостановлены, так как не было и хозяйина вечера. Гости все прибывали, вели беседы, ели закуски и пили коньяк. Мы с Зориным не участвовали в этом. То и дело, выходя курить, мы просто молча стояли у окна и затягивались белым и едким дымом папирос.

– Все гораздо сложнее, чем я мог себе представить, – нарушил молчание Николай. Но сказал он это не столько мне, сколько просто подтвердил свои мысли вслух.

На лестнице послышался стук каблуков. Мы с Колей притихли и повернулись к лестничной клетке так, чтобы можно было видеть, кто сейчас понимается. В следующий момент на лестнице появилась Катенька.

– Господа, какое счастье, – она поднималась к нам. Ее улыбка словно стерла все переживания, на душе стало спокойно. Это был самый жизнелюбивый человек, которого я когда-либо знал за всю свою жизнь.

– Что-то случилось, Екатерина Федоровна? – спросил Зорин.

– Ну, зачем же Вы так, Коля? Зовите меня по имени, Катенька, – сказала она, останавливаясь рядом с нами. Мы обменялись поклонами. – Случилось! У меня выходит сборник, я только сейчас из издательства, тираж небольшой, но главное, что книга увидит свет!

Катенька достала длинный мундштук, вставила в него папиросу и закурила.

– А как называться будет Ваш сборник? – спросил я.

– «Поэзия тонких линий», – ответила Катенька и добавила: – это название родилось спонтанно, я думала назвать свой сборник по первой строчке своего произведения «Я ходила под высокими стенами».

– То самое? – спросил у нее Зорин.

– Да, – Катенька вздохнула. Они с Зориным переглянулись, и мне захотелось оставить их наедине, но из квартиры Чернова вышел Еремин.

– Я погляжу, здесь собрался свой клуб? Позвольте поучаствовать? – спросил он, обводя нас взглядом.

– Присоединяйтесь, конечно, – пригласила его Катенька.

– Чернов еще не появился? – спросил у него Зорин.

– До сих пор в кабинете. Он сейчас беседует с поэтом... Юношей, – ответил Еремин. – Чернов вышел лишь для того, чтобы взять коньяк, и снова ушел в кабинет. Я думал, вечер неминуемо завершен, но коль пришла наша гостья, не все потеряно.

– Степан Сергеевич, Вы всегда очень любезны, – ответила Катенька. – Может быть, пройдем в дом, не думаю, что Чернов уж сильно обидится, начни мы читать без него.

– Только если Вы начнете первая. Тогда он явно не будет против, – пошутил Еремин, но Катенька приняла это как вызов.

– Тогда прошу, господа, мы начинаем наш вечер, – сказала она, и мы поднялись в квартиру.

Мы не вели себя обособленно, просто среди всех гостей, что пришли сегодня к Чернову, было мало тех, кто мог переступить через себя для знакомства. Они так и сидели по креслам и диванам, делая вид, что читают написанное на их бумажках. На самом же деле они смотрели на нас с какой-то долей зависти, когда мы вошли в комнату с бутылкой коньяка, принесенной Катенькой, и тарелкой с дольками лимона. Все места были заняты гостями, но, пододвинув столик, что стоял в углу, мы обступили его. Голубев и Ильич явно скучали, но на приглашение присоединиться отказались. На секунду я подумал, что они почувствовали обособленность нас с Зориным, но это чувство быстро прошло.

– Я хочу поднять этот бокал за нашу прекрасную поэтессу, Екатерину Федоровну, которая всегда является украшением этого клуба, – сказал Зорин. Мы с Ереминым весело поддерживали этот тост, кроме Катеньки, которая вновь просила не называть ее так.

– А Вы, Николай, играете с огнем, между прочим, – сказал Покровский, подойдя к нашему столу.

– Это Вы о чем? – поинтересовался Коля.

– Вы знаете, о чем я говорю, – он открыл бутылку и налил себе стопку.

– Оставим этот разговор, тост произнесен, назад дороги нет, – сказала Катенька, и мы выпили.

– И все-таки я хотел бы обсудить этот вопрос, пройдемте, господин Покровский, – предложил ему Коля. Они ушли на кухню, а мы, выпив еще, освободили место для чтения.

– Катенька, прошу, – сказал ей Еремин. Она вышла на середину и начала читать:

Туманом окутан город, босая иду по дороге,
Уже за углом протекает река, а над нею мосты,
Мне ли, скажите, граждане, молиться о Боге,
Утопиться в реке или, может, уйти в монастырь?

Просторное белое платье и косы по обе стороны,
Никого на улицах города нашего нет, кругом тишина,
На ветках, косясь на меня, сидели черные вороны,
А я не спешила жить и спокойно по городу шла...

Она продолжала читать это стихотворение, но эти первые четверостишья заставили меня посмотреть на нее по-другому. В Катеньке было много пережитого, о чем нельзя было узнать, не прочитав ее стихи. Та прекрасная и улыбающаяся женщина, которую нельзя увидеть в печали, писала проникновенные до глубины души стихи. Я смотрел на нее и не мог сопоставить строки и ее саму. Словно она пишет не о себе, а о ком-то, кого никто из нас не знал, кроме нее самой.

Когда она закончила свое чтение, никто не аплодировал, все были погружены в раздумья. Катенька лишь улыбнулась, легко и уверенно, поклонилась и подошла ко мне. На ее место вышел Еремин.

– Я прочту Вам отрывок из своего рассказа «Дуэлянты», – он начал читать, но я его не слушал, изредка бросал взгляды на Катеньку, та теребила в руке длинные бусы, которые висели у нее на шее. Отрывок Еремина заставил всех улыбнуться, кто-то даже засмеялся, я последовал их примеру, так как Еремин поднял взгляд и посмотрел на публику.

– Он прекрасно пишет, – сказала Катенька. Мне нечего было ответить. – Вы не находите? – спросила она обращаясь ко мне.

– Простите, задумался.

– Я тоже отвлеклась и потеряла мысль, что до нас хотел донести Степан Сергеевич, но я читала его книгу, в который были «Дуэлянты».

– Не знал, что Еремин выпустил книгу, – удивился я.

– Уже лет пять назад как, – улыбнулась Катенька. – Кого Вы еще не читали из собравшихся?

– Если честно, то никого. Я и о Чернове услышал лишь после знакомства с Зориным.

– Николай очень Вас хвалил, рассказывая о Вашем трудолюбии.

– Не ожидал, что Вы меня обсуждали, – сказал я, и мне стало неловко. – Я на днях взял у него «Золотые колосья», но так и не прочел.

– Это удивительная вещь, скажу я Вам. Он написал ее меньше чем за год, работал над ней, не жалея сил. Он многое поставил на этот роман. Ему Афонин из Петербурга предлагал выпускаться в журнале, только отказался Николай, он все-таки очень гордый. Я его очень уважаю за это, – сказала Катенька. Мы продолжили слушать выступающих, с кухни доносился спор Покровского и Зорина, иногда, правда, он затихал и можно было услышать звон бокалов.

– Вы не откажете составить мне компанию и пройти в подъезд? – Катенька достала мундштук и вопросительно посмотрела на меня.

– С радостью, – ответил я, понимая, что выйти, никого не обидев, можно только лишь во время заминки, которая произошла как раз сейчас. Некто Шмелев уронил стопку своих стихов, и теперь все гости помогали ему их собрать.

Проходя мимо кухни, я обратил внимание на сидящих за столом Зорина и Покровского, которые очень оживленно что-то обсуждали. Выйдя в подъезд, Катенька пару раз покружилась и стала у окна.

– Я, наверное, совсем выжила из ума, – сказала она смеясь.

– Нет, что Вы, – заволновавшись, начал переубеждать ее я.

– Тогда почему Вы так смотрите? – спросила она, выпуская дым.

– Простите, я задумался, – сказал я, стараясь принять как можно более непринужденное выражение лица.

– О чем, позвольте узнать, Вы думаете?

– Евгений, тот поэт, что сейчас у Чернова, он мой товарищ. Попросил устроить им встречу. Не знаю, насколько правильно я поступил, поддавшись на его уговоры. Вдруг Чернову не понравятся его стихи?

– Новый поэт в нашем клубе? Мне интересно послушать, – сказала Катенька.

– Нет, да и вряд ли будет, понимаете, Катенька, он здесь проездом, сам из Петербурга. Так что если он и будет что-либо читать, то, может быть, лишь сегодня.

– Там что-то происходит, Вы слышите? – спросила она, бросая папиросу и убирая мундштук.

– Кажется, да, – из квартиры Чернова действительно раздавались какие-то выкрики или что-то очень похожее. Мы поспешили подняться в квартиру. Когда мы открыли дверь, стало понятно, что звуки происходят из комнаты, где сидят гости. Мы поспешили туда. В центр комнаты был вынесен стол, который раньше находился в кабинете у Чернова. Сам же Чернов был здесь, он был пьян, галстука не было, верхние пуговицы на рубашке были расстегнуты, а его всегда причесанные волосы взлохмачены. На столе стоял Фитиль, без пиджака, без галстука, с раскрасневшимся от жары и, наверное, коньяка, лицом.

– Давай еще, – выкрикивал Чернов. – Глаголом жги сердца людей! – кричал он.

Фитиль засмеялся.

– Дай прикурить, – крикнул Чернову Фитиль. Чернов подошел, дал ему сигарету, прикурил Жене, который наклонился к хозяину вечера.

– А теперь, читай! Читай! – кричал Чернов.

Фитиль, со всем присущим ему умением громко читать свои стихи, которое он продемонстрировал нам с Зориным еще в первые дни приезда ко мне, начал читать:

На папиросы мне оставь да проваливай,
В вечно туманной, больной голове,
Мысль о самоубийце раскачивай,
Раскачивай его по ветру да на сломанной ветке,
Кто мне признается в том, что я лгу?
Будет ли голос его звучать ценной монетой?

Этого просто не могло быть, все происходящее мне напоминало дурной сон. Мне становилось жарко. Я взглядом нашел Зорина, стоявшего у стены. Он перехватил мой взгляд и покачал головой, что не предвещало ничего хорошего. Все присутствующие были удивлены таким поведением хозяина вечера, а также молодым и не известным никому поэтом. Фитиль тем временем все продолжал:

Звенит она в кошельке, да последняя,
А были их там несметные тыщи,
Да все по рукам до доверия,
Что было распито да брошено,
Друзьями близкими, немymi глазищами!
А года мои, как и молодость, скошены,
Как трава сорняк да лихой табак,
Да в бумагу засушивай,
Крути, закатывай, мне оставь,
На папиросы мне оставь да проваливай.

– Держи, – Чернов протянул Жене бутылку с коньяком, тот сделал пару глотков, затем затыкнулся папиросой и, бросив ее под ноги, прямо на столе и начал танцевать. Чернов начал аплодировать и подбадривать. В этот момент ко мне подошел Зорин, и мы с ним вышли в коридор.

– Что здесь произошло? – спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.